

Ю.С.КАРПИЛЕНКО

**"ДЕЛО"
ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ**

**Российское общество, самодержавие и суд присяжных
в 1878 году**

Брянск 1994

94-4
1075 2

Министерство образования Российской Федерации
Брянский государственный педагогический институт
имени академика И.Г.Петровского

Ю.С.КАРПИЛЕНКО

"ДЕЛО" ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ

Российское общество, самодержавие и суд присяжных
в 1878 году

Брянск 1994

Карпиленко Ю.С. "Дело" Веры Засулич: Российское общество, самодержавие и суд присяжных в 1878 году. - Брянск: Издательство Брянского государственного педагогического института. - 1994. - 64с.

ISBN 5-88543-013-6

В настоящем исследовании рассматривается влияние, оказанное судебным процессом над революционеркой В.И.Засулич в 1878 году на судьбы российского освободительного движения и самодержавия, рассказывается об испытаниях, которым подвергся один из важнейших элементов правовой структуры и культуры общества - суд присяжных.

Предназначено специалистам по истории России второй половины XIX века, преподавателям и студентам исторических факультетов, всем интересующимся прошлым нашего Отечества.

Рецензенты:

Волк С.С. - доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Тюкачев Н.А. - кандидат исторических наук, доцент (Брянск)

© Издательство Брянского государственного педагогического института, 1994.

4 588

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

94-14062

Бывшим и нынешним студентам исторического факультета Брянского педагогического института посвящается

В апреле 1901 года издававшаяся в Мюнхене российская социал-демократическая газета «Искра» опубликовала статью В.И.Засулич «По поводу современных событий». В ней рассматривался вопрос об отношении революционной партии к индивидуальному террору как средству политической борьбы «Мы глубоко убеждены, - заявляла автор статьи, - что в настоящий момент такой террор, если бы на нем начали сосредоточиваться общественные надежды, не только не усилил бы освободительного движения, а, наоборот, ослабил бы его». Обращаясь к истории, Засулич писала: «Двадцать с лишком лет тому назад террор зародился на почве безнадежности разбудить крестьян. Для многих из террористов он был лишь оружием отчаяния, заставляющего отдавать жизнь за то только, чтобы, по выражению Степняка, заставить корчиться удава, сдавливающего своими петлями тело России. В настоящий момент русским людям, желающим свободы, нет никаких причин отчаяваться».

«Особое удовольствие», с которым редакция помещала на страницах газеты статью, объяснялось не только большим авторитетом в революционных кругах ее автора, ветерана движения, но и тем, что по иронии судьбы В.И.Засулич была также «первой русской террористкой».

115 лет прошло с того момента, когда в приемной комнате санкт-петербургского градоначальника раздался вошедший в историю выстрел из пятизарядного «Бульдога». Объявляя протест против физического насилия, совершенного над товарищем по борьбе, 28-летняя революционерка-народница Вера Ивановна Засулич тяжело ранила главу столичной полиции, 65-летнего генерал-адъютанта Федора Федоровича Трепова, отца двух будущих видных государственных деятелей (Дмитрий Федорович в период первой русской революции займет пост петербургского генерал-губернатора, а Александр Федорович в 1916 г. возглавит Совет министров России). Арестованная на месте преступления террористка два месяца спустя предстал перед судом присяжных заседателей. Суд вынес оправдательный вердикт, что вызвало взрыв общественного мнения и имело далеко идущие политические последствия.

Такова вкратце фабула «дела» Веры Засулич. С тех пор о нем написано немало (об этом читатель может судить уже по ссылкам на литературу в конце каждой из трех глав предлагаемой его вниманию работы). Однако специальному анализу в современной отечественной историографии оно, можно сказать, не подвергалось. Там, где о нем писали исследователи, осталось много неясного и спорного. Поэтому автор берет на себя смелость сказать, что перед

вами не научно-популярная компиляция, а достаточно оригинальное исследование, хотя и написанное, по возможности, не строго академическим языком.

«Дело» Веры Засулич представляет интерес как важный момент в истории противоборства революционно-радикального (народнического), либерального и реакционно-консервативного направлений в российской общественно-политической жизни второй половины XIX века. События, связанные с покушением и процессом В.И.Засулич, не только потрясли мировоззрение социально-активных слоев российского общества, но и явились серьезным испытанием для отечественной прессы и, особенно, для молодого института суда присяжных.

Среди нововедений эпохи «великих реформ» далеко не последнее место занимали новое законодательство о печати и судебная реформа. С апреля 1865 года российская печать обрела ряд существенных прав. Центральная пресса, оригинальные сочинения свыше 10 п.л. и переводы свыше 20 п.л. освобождались от предварительной цензуры. В случае нарушения законов цензурное ведомство могло возбудить дело в суде. Упрощались формальности, связанные с открытием новых изданий. Это стимулировало развитие отечественной журналистики и издательского дела.

Судебная реформа 1864 года, как считали ее современники и в чем сходятся исследователи, была самой демократической реформой Александра II. Используя опыт либерального Запада, ее творцы в ряде моментов пошли дальше и умело адаптировали новые судебные уставы к российским условиям. Отныне сословные суды уходили в прошлое. Суд отделялся от администрации. Вводилась гласность судебного разбирательства, в зал заседаний, как правило, допускалась публика, а журналисты могли печатать стенограммы, аналитические статьи и описывать все происходящее в суде. Процесс становился состязательным, для чего создавался специальный институт адвокатуры. Реорганизовывалась прокуратура, она освобождалась от функций общего надзора, ее основной задачей объявлялся надзор за дознанием и следствием и поддержание обвинения в суде. Сама иерархически организованная прокуратура создавалась теперь при соответствующих судах. Устанавливалась презумпция невиновности. Господствовавший в прошлом принцип формальных доказательств уступал место их свободной оценке. Предварительное следствие из ведения полиции переходило к судебным следователям. Устанавливался принцип несменяемости судей (согласно ст. 243 Уложения судебных установлений председатели и члены судов и судебных палат не могли быть уволены или переведены на другую должность без их согласия, кроме как по приговору суда). Для профессиональных («коронных») судей устанавливался высокий образовательный и служебный ценз. Но особенно ярким моментом судебной реформы стало введение института присяжных заседателей, просуществовав-

шего, несмотря на непрекращающиеся нападки со стороны консерваторов, до конца 1917 года и возрождающегося ныне.

Суды присяжных создавались в качестве особого присутствия при окружных судах (первая инстанция) и предназначались для рассмотрения дел о тяжких преступлениях, влекших за собой лишение прав состояния, каторжные работы и т.п. Роль присяжных состояла в том, чтобы, участвуя в судебном следствии и имея доступ ко всей касающейся данного дела информации, в конце заседания ответить на вопросы, сформулированные «коронными» судьями относительно виновности подсудимого. Ответы на вопросы могли быть только такими: «да», «нет», «да, но заслуживает снисхождения». При этом присяжные должны были руководствоваться исключительно собственным правосознанием и совестью. Отменить решение присяжных мог только высший судебный орган - Сенат и только в том случае, если в ходе ведения процесса были допущены процессуальные нарушения.

Присяжные не избирались, а назначались из русских подданных, мужчин в возрасте от 25 до 70 лет на основе ценза оседлости и имущественного ценза. Не могли быть присяжными чиновники высших (с I по IV) классов, работники суда, прокуратуры и полиции, военнослужащие, учителя и монахи, домашняя прислуга, а также находящиеся под следствием, умалишенные, слепые, глухие и т.п. Тем не менее значительная часть населения империи включалась в отправление судопроизводства, что было очень важно и с точки зрения демократизации этой сферы, и с точки зрения развития гражданской правовой культуры. Прошедшие ценз поголовно включались в общие списки присяжных заседателей. Затем специальная комиссия составляла и публиковала очередные списки на год вперед. К открытию сессии окружного суда приглашались 30 очередных присяжных, из которых на каждом процессе по особому регламенту формировалась коллегия из 12 основных и двух запасных заседателей.

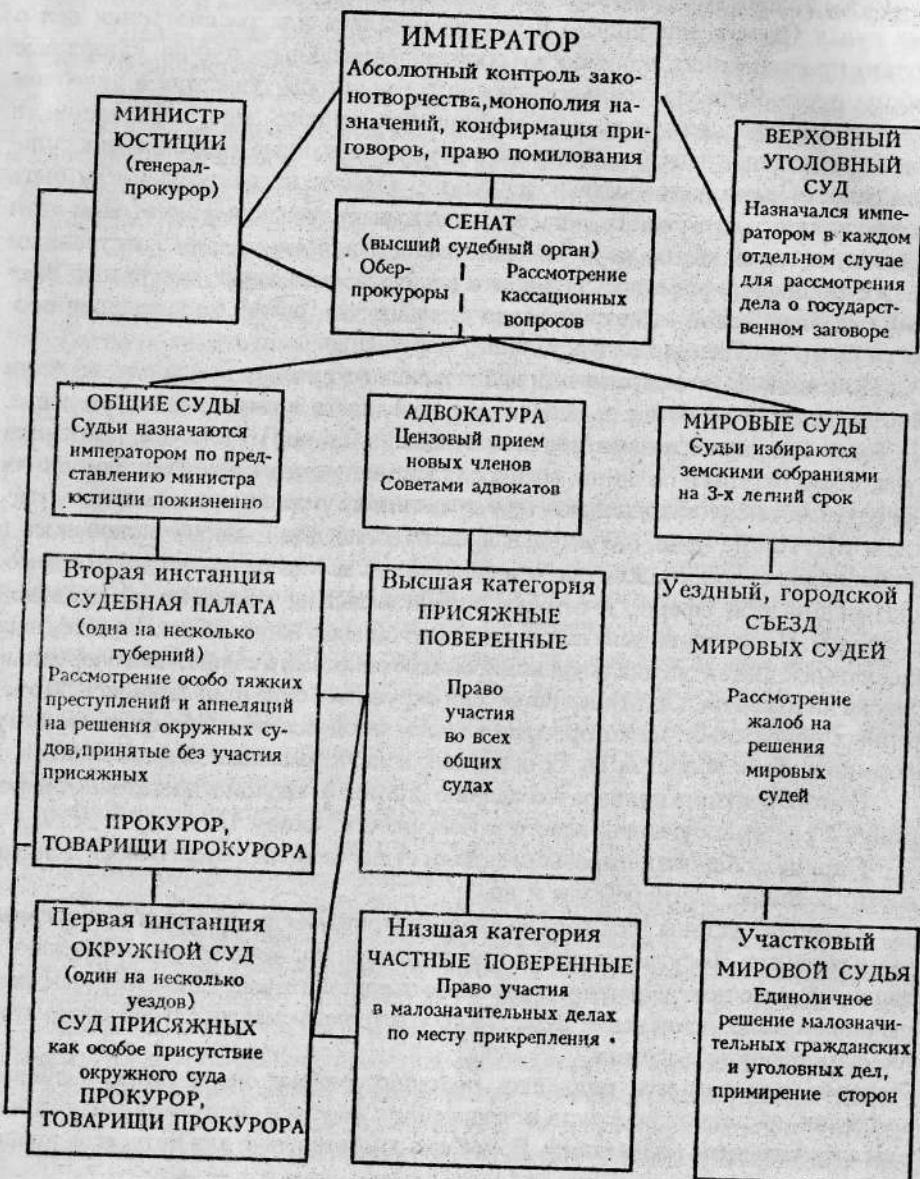
В итоге реформа привела к созданию стройной, гибкой и достаточно эффективной системы судебной власти в России. (см. схему 1).

Наряду с общими и мировыми судами существовали и суды особой подсудности: военные, коммерческие и др.

Судебные уставы 1864 года не предусматривали специальных или чрезвычайных судов. Государственные преступления подлежали рассмотрению в общих судах с приглашением сословных представителей. Единственным исключением было учреждение Верховного уголовного суда на случай раскрытия государственного заговора.

Реформа продвигалась медленно, поэтапно, однако очень скоро возникли коллизии, заставившие власть предержащих внести в первоначальные замыслы существенные корректировки. Более чем сомнительные для интересов прави-

Схема 1. СИСТЕМА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО РЕФОРМЕ 1864 г.



тельства итоги «процесса нечаевцев» (1871 г.), где по сути впервые дело о государственном преступлении рассматривалось в общем порядке уголовного судопроизводства в строгом соответствии с буквой новых уставов, подтолкнули Александра II и его окружение к созданию специальной судебной инстанции - Особого Присутствия Правительствующего Сената (ОППС). С 1872 года оно взяло на себя рассмотрение всех дел по государственным преступлениям, со-пряженным с лишением или ограничением прав состояния подсудимых. ОППС составлялось из ежегодно назначаемых императором первоприсутству- ющего и пяти сенаторов, а также четырех сословных представителей (один губернский и один уездный предводитель дворянства, один городской голова и один волостной старшина из Петербургской губернии). ОППС по своему усмотрению могло проводить как открытые, так и закрытые процессы.

Тогда же, летом 1872 г., был обнародован подписанный государем закон о дополнительных изменениях в законодательстве о печати, предоставивший министру внутренних дел право задерживать выход в свет «вредных» сочине- ний и периодических изданий вплоть до окончательного решения их судьбы Комитетом министров, т.е. частично возобновлялась предварительная цензура.

Эти колебания самодержавной власти в осуществлении ею же иницииро- ванных буржуазно-либеральных реформ, начавшиеся, впрочем, уже сразу по- сле покушения Д.Б. Каракозова на жизнь царя 4 апреля 1866 года, в после- дующем будут усиливаться как симптомы надвигающегося кризиса «верхов».

Изучая архивные материалы и перечитывая мемуары деятелей 70-80 гг. прошлого века, постоянно наталкиваешься на одни и те же имена государст- венных деятелей, администраторов, судебных и полицейских чиновников, публицистов, либералов, нелегальных, эмигрантов. Их судьбы неоднократно пересекались на протяжении многих лет. И невольно удивляешься тому, как же был тесен политический мир отечества столетие назад. Однако эта ничтож- ная часть населения многомиллионной страны сознательно и ответственно вершила судьбы России, торила в жестком и жестоком противоборстве ее путь в будущее. 1878 год был в этом отношении чрезвычайно важным, интересным и поучительным.

Глава I НАКАНУНЕ

Во второй половине 70-х годов XIX века во внутриполитической жизни страны принимала участие лишь очень незначительная часть российского общества. Глубокий политический сон оставался уделом 9/10 населения империи. Император и его окружение, административные структуры по-прежнему обладали всей полнотой власти. И все же после великих реформ начала царствования Александра II Россия постепенно становилась другой страной. Заявили о себе пока все еще амфорные общественные движения. Освобожденная от жесткой государственной цензуры пресса формировала общественное мнение. Проявления социально-политической жизни в основном сосредоточивались в Петербурге, Москве, отчасти в губернских университетских городах, не захватывая громадные территории империи. И все же это был очевидный шаг вперед по сравнению со свинцовой неподвижностью николаевской эпохи.

Противоречивость и незавершенность реформ 60-х годов привела к усилию и обострению антагонизмов между общественно-политическими группировками. Россия неуклонно шла к тому, что позднее историки назовут «вторым общенациональным кризисом». Он складывался и развивался в столкновениях революционной партии и самодержавия. Некоторую роль в этих драматических событиях играли либералы, хотя в целом либеральное движение в этот период еще не стало самостоятельным фактором политической борьбы.

На динамику общественно-политических настроений оказала сильное влияние война с Турцией. Различные слои российского общества издавна волновала судьба родственных славянских народов, томившихся под османским гнетом. В начавшейся 12 апреля 1877 года русско-турецкой войне царское правительство стремилось усилить свое влияние и позиции на Балканах, а заодно и в собственной стране. Идеологи самодержавия К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, князь В.П. Мещерский упирали на отбрасывание освободительного движения с помощью победоносной внешней войны. Весьма близка была и позиция умеренных либералов. Еще в начале герцеговинского восстания 1876 г. влиятельная петербургская газета «Голос» писала: «Это здоровое и могущественное историческое движение России на помощь единоверных ей племен более всего способно снести все наносные, напущенные и прибитые волной Запада революционные стихии в умственной жизни русского общества»[1].

С восторгом отозвались на царский манифест, объявивший войну Турции, славянофилы. «Вот он, наконец, миг, так давно желанный и приываемый, выстраданный миллионами сердец!» - воскликнул 17 апреля на заседании Московского славянофильского благотворительного комитета его председатель

И.С. Аксаков[2]; и воображение рисовало картины осуществления панславистских надежд.

Многие видные представители русской культуры, связанные с народническими и либеральными кругами, отнеслись с живейшим интересом к борьбе южных славян.

Поддержали войну и трудащиеся массы. Им, разумеется, она никакой выгоды не могла принести. Народ, с его неразвитым социальным самосознанием, пока еще удовлетворяя перспектива постоять за «царя-батюшку» и разбить «супостата», «исконного врага».

Стремление к освобождению братских славянских народов было традицией русских революционеров еще со времен декабристов. Содействие войне против Турции, объективно приобретавшей освободительный характер, стало делом части многих революционных народников. К этому рациональному фактору примешивался и эмоциональный, пожалуй, наиболее ярко выраженный А.П. Прибылевой-Корбой в таких словах автобиографии: «...Слово «свобода», одно из лучших слов, какие знает человечество, прозвучало в России.. Хотя оно относилось пока только к борьбе славян с турками, все же это чарующее слово заставляло усиленно биться русские сердца...»[3]. Несмотря на некоторые разногласия, революционеры-«семидесятники» сходились в том, что главной задачей, которой подчинены все другие вопросы, в том числе и славянский, является победа над самодержавием. Они считали, что настояще освобождение славян может осуществить только свободная Россия.

С начавшейся войной, таким образом, разные слои общества связывали определенные надежды, и все ее нюансы и превратности неизбежно и сильно отражались на общественных настроениях. Поначалу могло показаться, что победа над Турцией придет быстро и легко. Однако на деле все оказалось далеко не так. Война обнаружила слабость русской армии и гнилость всего государственного строя России. Предпринятые в июле-августе три штурма Плевны не принесли успеха, при этом потери русских составили более двадцати тысяч человек. Железные дороги, связывающие Россию с фронтами, и все движение было в страшном беспорядке. Санитарных вагонов на хватало, и раненых перевозили в обычных товарных. Внутреннее состояние России, особенно финансовое положение, резко ухудшилось. Война вызвала свыше миллиарда рублей чрезвычайных расходов, которые покрывались выпуском бумажных денег, внутренним и внешним займами. Как в действующей армии, так и в тылу процветали взяточничество, финансовые махинации. В связи с войной на сельское население были возложены дополнительные поборы. Владельцы испугом отмечали распространение среди крестьян слухов о «черном переделе».

На смену воинственному азарту и оптимистическим надеждам пришли

усталость и мрачные предсказания. На страницах либеральных газет стали появляться статьи, вызывавшие открытое раздражение правительства. Тот же И.С.Аксаков на собрании членов Московского славянского общества 26 сентября говорил о войне уже совсем другим тоном: «Твердый свет, заблиставший нам с гор Армении и холмов Плевны, отличил нам всю шаткость наших надежд и расчетов, наши ошибки, вины, недомыслие...»[4]. Перелом в настроениях либерального общества заметили и революционеры. Выпущенная в конце октября прокламация заявляла: «...Вы неистово кричали ура, когда наши солдаты брали одно село за другим, когда они грудью выбивали из неприступных позиций неприятеля, когдашли вперед не отступая; вы хвалили офицеров, восхищались генералами, пели гимны главнокомандующему и славословили царя... Но вдруг три неудачных штурма Плевны, и высокопатристическое, рабски верноподданническое чувство разлетелось по воздуху, и в клубах, в пирушках, в задушевной беседе послышались другие речи... Вы... сразу сознали: неумелость главнокомандующего, разузнали об интригах генералов и шепотом заговорили о конституции»[5]. «Осень 1878 года застала общество в самом удручающем состоянии», - вспоминал видный юрист либерал А.Ф.Кони[6].

Глубокие изменения претерпевало в это время революционное народническое движение. Уже в 1877 году для многих стал очевидным провал старой тактики пропаганды, несостоятельность самого принципа «хождения в народ». Мизерность успехов и одновременно огромные потери заставляли задуматься над изменением тактики борьбы. С одной стороны, продолжали раздаваться требования в защиту оседлой, длительной пропаганды, создания крепких поселений революционерами, связанными железной дисциплиной. Так, весной 1877 года были созданы новые поселения в Самарской, Саратовской, Астраханской губерниях, на Урале и Кубани. С другой стороны, появилась тенденция к свертыванию работы в деревне. «Деятельность в крестьянстве отнюдь не была невозможна, - писал позднее активный участник народнического движения Г.В.Плеханов, - революционеры справились бы с полицейскими препятствиями, если бы их настроение продолжало толкать их в деревню. Но в том-то и дело, что во второй половине 70-х годов их настроение очень изменилось, и «хождение в народ» потеряло в их глазах всю свою привлекательность. Произошло это потому, что деятельность в народе не оправдала тех радужных, можно сказать, почти ребяческих надежд, которые возлагались на нее революционерами. Отправляясь в народ, революционеры воображали, что «социальную революцию» можно сделать легко, и что она очень скоро совершиится... «Народ» перестал привлекать их к себе потому, что «хождение в народ» перестало казаться им вернейшим средством повалить существующий порядок»[7]. Лавровское утверждение о народе как «боге-страдальце», «не знающем

своего могущества»[8], равно как и бакунинское представление о крестьянине как социалисте и анархисте по природе, не подтверждались опытом. Жизнь неумолимо подводила революционеров к осознанию первоочередности задач демократических преобразований в стране, то есть к борьбе политической. На очередь дня становилась «агитация делом».

Считается, что первой социально-революционной демонстрацией в России было выступление землевольцев 6 декабря 1876 года у Казанского собора в Петербурге («Казанская демонстрация»). В ней приняли участие 300-400 студентов и рабочих. Речь Г.В.Плеханова, с которой он обратился к собравшимся, касалась тяжелого и бесправного положения русского народа, репрессивной политики правительства и закончилась призывом: «Да здравствует свобода!». После этого рабочий Я.Потапов развернул красное знамя с надписью-лозунгом «Земля и воля». Полиция разогнала демонстрацию. Многие были арестованы и позднее привлечены к суду. «...Казанская демонстрация ..., - писала заграничная «Община», - представляет собой ни что иное, как попытку выйти из заколдованных кругов теоретической проповеди социализма на путь гласного, фактического заявления своих убеждений и живой агитации»[9].

Появились симптомы и другого нового элемента в революционном движении - стремления использовать в борьбе с правительством оружие. Участвуя в войне за освобождение славянских народов, революционеры преследовали цель «познать борьбу за гражданскую свободу»[10], «научиться ведению партизанской войны»[11]. В программе возникшей в 1876 году «Земли и воли» наряду с требованием усиления организованности революционных сил ставилась задача «дезорганизовать силу государства» и одной из форм дезорганизаторской деятельности признавалось «систематическое истребление наиболее зловредных и выдающихся лиц из правительства»[12]. На практике однако этот пункт программы долгое время не использовался. Те немногочисленные террористические акты, которые совершались народниками до 1878 года, направлялись лишь против непосредственных, «ближних» врагов-предателей и провокаторов. Так, в июне 1876 года в Одессе был тяжело ранен Л.Дейчем шпион Горинович, бывший пропагандист, выдавший товарищей. В сентябре был убит шпион Тавлеев, в июне 1877 года - Финогенов. «Первые кровавые дела, - писал по этому поводу С.М.Кравчинский, - начались за год или за два до наступления настоящего террора. То были пока отдельные факты, без всякого серьезного политического значения»[13]. Но к середине 1877 года террористические настроения усиливаются. Л.Тихомиров вспоминал: «...Натансон не долго действовал и был арестован с револьвером в кармане: «признак времени». Вообще револьверы стали появляться, хотя их еще не пускали в ход. Возвратились со славянской войны и добровольцы-революционеры,

понюхавшие пороха. Вообще воинственное настроение эпохи освобождения славян расшевелило боевые инстинкты у революционеров...»[14]. Наиболее отчетливо проявились эти настроения на юге, где в это время к политической борьбе склоняются такие видные деятели подполья как Г.Попко, Д.Лизогуб, В.Осинский.

Усилиению террористических настроений в среде народников способствовала репрессивная политика царского правительства. Крепость, каторга, поселение, административная ссылка и полицейский надзор - вот что ждало вступивших на революционный путь. По подсчетам А.Ф.Кони, с 1872 по 1878 год по политическим делам велось следствие против 2500 человек. Только в 1877 году было возбуждено около 950 дел о «государственных преступлениях»[15].

Итогом периодических обсуждений в правящих кругах мер по борьбе с революционным движением был неизменный вывод: необходимо усилить репрессии. Однако очевидная неэффективность традиционных форм пресечения растущей «крамолы» и страх перед ней породили проект новой «меры». Статс-секретарь князь Д.А.Оболенский, ухватившись за давнюю блуждавшую в этой среде мысль о применении телесных наказаний против политических преступников, попытался обосновать ее «преимущества». Он заявлял, что эта мера будет отрезвлять молодежь и показывать ей, что на нее смотрят как на собрище школьников, а не как на серьезных политических деятелей. Стыд же, сопряженный с сечением, будет удерживать от участия в пропаганде. Эта дикая идея стала находить своих приверженцев. Председателем петербургского окружного суда А.А.Лопухиным «проект сечения» был разработан по пунктам. К ней стал прислушиваться и сам министр юстиции граф К.И.Пален[16].

Такова прелюдия событий, разыгравшихся 13 июля 1877 года. В этот день при посещении Дома предварительного заключения (ДПЗ) петербургский градоначальник Ф.Ф.Трепов, придаввшись по незначительному поводу к арестанту А.С.Боголюбову, - тот не снял при встрече шапки, - приказал бросить его в карцер, а потом наказать розгами. Правда, когда вспышка генерального гнева прошла, Трепов задержал исполнение своего приказа.

Несмотря на свою солдафонскую натуру, градоначальник не был твердо уверен в законности своего намерения. В 1863 году были отменены телесные наказания. Ушли в область истории плеть, кнут, шпицрутен, значительно ограничивалось применение розги. Правда, устав о ссыльных сохранил статьи, предусматривающие за маловажные проступки, учиненные ссыльно-поселенцем или каторжником, наказание розгами до ста ударов. Боголюбов уже был приговорен 25 января 1877 г. за участие в антиправительственной демонстрации и попытку применения оружия при задержании к 15-летней ссылке в каторжные работы в рудники, однако пока что он содержался в ДПЗ и формально

не поступил в разряд ссыльно-каторжных. К тому же Трепов отдавал себе отчет в том, что Петербург - это не «отдаленные губернии», где можно не церемониться с государственными преступниками.

Градоначальник поехал «посоветоваться» к Управляющему Министерством внутренних дел князю А.Б.Лобанову-Ростовскому, от него - к прокурору окружного суда А.Ф.Кони, но обоих не застал дома; и лишь заручившись поддержкой министра юстиции Палена, принявшего его решение высечь Боголюбова «с восторгом», поручил полицеистеру А.И.Дворжецкому «распорядиться»[17].

Арестанты женского отделения видели через окна своих камер, как экзекуторы вязали пучки розг, взмахивали ими, репетируя, и заносили в помещение предварительной тюрьмы. Здесь, в коридоре с Боголюбова стащили одежду, повалили его на пол и отсчитали назначенные 25 ударов. Чуть позже Трепов приказал перевести несчастного арестанта в Литовский замок и, испытывая то ли страх, то ли запоздалые угрызения совести, послал ему чаю и сахару.

Информация о событиях в Доме предварительного заключения по различным каналам просочилась в общество, в некоторых столичных газетах появились заметки[18].

К «боголюбовской истории» отнеслись по-разному. Официальные круги восприняли инцидент как нечто несущественное. В изданной позднее «Хронике» утверждалось, что Боголюбов «позволил себе в высшей степени оскорбительное поведение» по отношению к Трепову, и что истязание его было «простым фактом, не представлявшим почти никакой важности и, во всяком случае, не переходящим границ самой строгой законности»[19].

Более трезвые и либерально настроенные представители администрации, такие как А.Ф.Кони, прокурор судебной палаты Э.Я.Фукс, оценили социальную опасность поступка Трепова. Э.Я.Фукс сделал запросы Министру юстиции и в Комитет для высшего заведования домом предварительного заключения, но они так и остались без последствий.

Вообще среди либералов это событие вызвало некоторый резонанс. «Петербург, близкий либеральным кругам, тоже заволновался на некоторое время, причем повсюду рассказывалось о произшедшем в тюрьме в преувеличенном виде, что Боголюбову дали не 25 розг, а секли его до потери сознания, что в тюрьме было целое побоище и т.п.», - вспоминал С.Голоушев (Глаголь)[20]. Однако либеральное общество, как обычно, ограничилось умеренно - осуждающими разговорами, а затем и вовсе забыло об этом событии, переключив внимание на плохие известия с фронтов.

Совершенно по-другому отнеслись к истязанию Боголюбова революционеры. Их возмущение переросло в действия. Первым из них был активный протест арестантов в Доме предварительного заключения. Узнав о приказе Тре-

пова, они начали громко кричать, бить стекла, стучать в двери камер. И тогда 13 июля ознаменовалось еще одним насилием. Свидетель и участник этих событий С. Синегуб вспоминал: «... Трепов выслал на заключенных в одиночных камерах отряд городовых. Поснимав с груди свои номера, городовые под предводительством помощников управляющего Куриленко, Кутаинского и Константиновского и трех надзирателей ходили по всем галереям. Где раздавался стук в то время, как они проходили, та камера отpirалась помощниками или надзирателями, свора городовых врывалась в камеру и начиналось битье и топтанье ногами заключенного. Избитого выволакивали из камеры и тащили в карцер. Некоторые пострадали очень сильно»[21].

Однако эти зверства администрации, охраны и городовых не сломили со- противления арестантов. Следующий день опять начался криками, стуком, уничтожением всего, что попадалось под руку в камерах. Но потом появилась идея отомстить за Боголюбова и за себя «предметам одушевленным». Предполагалось на несколько дней создать видимость полного спокойствия и порядка, а затем вызвать под каким-либо предлогом Трепова и «исковать ему физиономию», а после этого - отплатить помощникам управляющего. Однако исполнен этот замысел не был, так как с воли поступило известие, что местью Трепову займутся революционеры, находящиеся на свободе[22].

«Сильное озлобление вызвал тогда этот поступок Трепова на Юге, - писал заграничный журнал идеологов революционного заговора «Набат». - Нужно было видеть гневные лица людей, слышать выражения негодования и злобы и клятвенные обещания постоять за честь и человеческое достоинство, нагло и зверски поруганное в лице Боголюбова, нужно было присутствовать при всей сенсации, произведенной вестью о расправе Трепова, чтобы быть вполне уверенным, что недолго быть голове этого усердного блюстителя порядка на плечах»[23]. Р.А. Стеблин-Каменский вспоминал, что в Одессе «шли оживленные толки по поводу расправы над Боголюбовым; решался вопрос: что делать, как отомстить за него»[24].

Событие 13 июля дало известный толчок к усилению конституционных настроений. В ряды защитников идеи принятия в России конституции переходят некоторые бывшие ее принципиальные противники. С наступлением зимы, констатирует исследователь С.С. Волк, с новой силой закипает протест революционно настроенной интеллигенции, возмущенной тем, что русский народ, освобождающий соседних славян, сам по-прежнему прозябает в бедности, невежестве, бесправии[25].

Так создались предпосылки для покушения на царского сатрапа. Оно стало готовиться двумя самостоятельными группами. С одной стороны, это были южане В. Осинский, И. Волошенко, Г. Попко, М. Фроленко. Другую группу

составили В. Засулич, М. Коленкина, С. Чубаров. За Треповым было установлено наблюдение.

Моральный климат российского общества в значительной степени определяли политические судебные процессы над революционерами, тянувшиеся с перерывами на протяжении всего 1877 года. С 18 по 25 января в Особом Присутствии Правительствующего Сената рассматривалось «Дело о преступной демонстрации» на площади у Казанского собора. Из 21 подсудимого 18 были приговорены к различным срокам каторжных работ и ссылке. С 21 февраля по 14 марта то же ОППС разбирало дело народников-пропагандистов, большинство из которых принадлежали к «Всероссийской социально-революционной организации», имевшей своим центром Москву. Этот суд вошел в историю под названием процесса «50-ти». В вину «москвичам» вменялась пропаганда среди рабочего населения; многим было определено тяжелое наказание. Процесс «50-ти» вызвал большой резонанс в обществе. Сильное впечатление произвели выступления на суде Петра Алексеева и Софии Бардиной. Процесс продемонстрировал громадную нравственную силу революционеров, их моральный авторитет в обществе возрос.

Еще большее значение имел проходивший с 18 октября 1877 по 23 января 1878 года процесс по делу «О преступной пропаганде в империи» (процесс «193-х»). Следствие, возбужденное против 265 участников «хождения в народ», велось около четырех лет. К открытию судебного разбирательства первоначальная установка на небывалый по размерам процесс пришла в противоречие с интересами правительства. Главное, конечно, было не в том, что следствие так и не собрало убедительных улик против многих арестованных, и таким образом выходило, что множество людей без законного основания годами находились в тюрьме. В новой сложной ситуации такой политический процесс объективно должен был усугубить положение царизма. Поэтому в правительственные кругах возникли серьезные колебания на счет своевременности и вообще целесообразности этого суда*. Окончательно вопрос был решен царем. 14 октября из Горного Студия пришла телеграмма на имя великого князя Константина Николаевича: «По содержанию телеграммы Вашего Высочества Государь император хоть изволил признавать неудобства ведения в настоящую минуту политического процесса, но ввиду доводов, высказанных министром юстиции, мнение его изволил утвердить, обратив внимание на точность соблюдения всех полицейских правил предосторожностей при производстве дела»[26].

*Характерно, что против судебного процесса был даже такой сторонник твердой власти как К.П. Победоносцев. 10 октября он писал наследнику престола, будущему Александру III, что «только совсем ослепленное или совсем безумное и неспособное правительство может возбудить такой процесс в такое время! (Письма Победоносцева к Александру III. Т.1. -М., 1925. - С.85.).

Огромный интерес общественности к предстоящему судебному разбирательству власти обещали удовлетворить. «Краткие сведения о заседаниях Особого Присутствия Правительствующего Сената по делу о преступной пропаганде в империи будут с настоящего времени постоянно публиковаться в «Правительственном вестнике». К опубликованию обвинительного акта будет приступлено по прочтении его... Подробный же стенографический отчет об этом обширном деле, вследствие невозможности своевременного его опубликования на газетных столбцах, будет отпечатан особо», - сообщал официальный орган[27].

С самого начала судебное разбирательство раскрыло ужасающие подробности обращения с подсудимыми во время следствия, приведшего к смерти, сумасшествию или самоубийству более 90 человек. С другой стороны, процесс показал величие духа революционеров, их глубокий политический ум. Достаточно напомнить, что среди участников этого процесса были И.Мышкин и А.Желябов. Превосходство подсудимых над судьями, по свидетельству современников, было так явственно, что временами казалось, что обвиняемые и обвинители поменялись ролями.

Правительство спохватилось, газетам было запрещено публиковать собственные корреспонденции из зала суда. Разрешалась лишь перепечатка бессмысленных по краткости сообщений официального органа. Позднее, в марте 1878 года Пален в письме Министру внутренних дел Тимашеву прямо признавал, что такой порядок публикаций отчетов был необходим в связи с тем, что «оглашение всех подробностей ... судебного рассмотрения не соответствовало ... интересам правительства»[28]. В дальнейшем не было выполнено и другое обещание - издать стенографический отчет процесса. Более того, когда в 1878 году некоторые из адвокатов издали первую половину отчета на свои средства, то по постановлению Комитета министров книга была сожжена. Фактическое аннулирование гласности суда создало благоприятную почву для различного рода слухов, которые «в болезненно-возбужденном обществе расходились с невероятной быстротой и всевозможными вариантами»[29].

Популярность революционеров в средних образованных слоях общества еще более возрасла. В литературных кружках распространялись стихи адвоката и поэта А.А.Боровиковского, воспевавшего страдания революционной молодежи и бичевавшего общественный строй России. Под вымышленными предлогами собирались деньги для подсудимых. «Новости, приносимые из суда, - вспоминала Вера Фигнер, - находили широкий отклик в столице. Волновалась учащаяся молодежь, возмущались либеральные круги. Вокруг революционного дела ... создавалась атмосфера общественного сочувствия»[30].

В результате разбирательства из 193-х привлеченных к суду осужденными оказалось 64, причем за 27 из них Сенат ходатайствовал перед

Александром II о милосердии. С остальными подсудимыми обошлись мягче: часть из них оправдали, части вменили в наказание время, проведенное под следствием, подвергнув многих административной ссылке и отдав под надзор полиции.

Правящие круги надеялись, что исход процесса подорвет принципы и силы революционеров. Официальная «Хроника» писала: «По окончании Большого процесса («193-х») ... можно было ожидать наступления спокойствия; многие ласкали себя надеждой, что корни зла уничтожены, что великодушие правительства, отнесшегося к осужденным мягко и подвергшего осужденных минимальному, по статьям закона, наказанию, окажет влияние на умы молодежи, создаст в ее среде лучшие чувства и привлечет ее к идею порядка и законности»[31].

Надежды эти не оправдались. Борьба продолжалась с нарастающей силой. Процесс «193-х» оказал на революционеров двоякое воздействие. Открытый бой, данный правительству на суде, растущая популярность в обществе способствовали консолидации борцов. Н.К.Бух вспоминал: «Социалисты всех оттенков стали называть себя членами социально-революционной партии»[32]. Но это стремление к единству перед лицом врага не могло остановить рождающийся более глубокий раскол в движении. Оценивая влияние процесса «193-х» на изменение настроений в среде части революционеров, Л.Г.Дейч позднее писал: «Все это в крайней степени озлобляло мирных социалистов и наводило на мысль о необходимости давать отпор правительству - не даваться ему в руки без сопротивления при арестах, не оставлять безнаказанными жестокие расправы с заключенными, мстить за издевательства... и т.д.»[33]. Ощущалось приближение пока неясных, но неизбежных перемен в революционном движении. «Русские социалисты-революционеры..., - писала «Община» в январе 1877 г. в передовой статье, - вступают в настоящее время в иной, несколько отличный от предыдущего фазис своего развития...»[34].

... В конце 1877 - первых числах 1878 года положение на фронтах резко изменилось в пользу России. 6 ноября пала крепость Карс. 28 ноября была взята Плевна. Спустя месяц русские войска вступили в Софию. В январе началось общее наступление. После разгрома 5-6 января в сражении под Филиппополем главных войск турок и занятия 8 января Адрианополя Турции ничего не оставалось, кроме как просить мира. 19 января турецкие уполномоченные подписали русские условия перемирия. Это несколько подняло настроение части общества. «Заря нового года, - писал умеренно-либеральный «Вестник Европы», - занималась под впечатлением радости и торжества...»[35].

Однако опьянение военными успехами было недолгим. Итоги завершающейся кампании уже давно ставились под сомнение Англией и Австро-Венгрией, боявшихся укрепления России на Балканах. Планировавшееся занятие Константинополя оказалось равнозначным войне с этими европейскими

странами. Царская дипломатия спешила заключить с Турцией «предварительное» соглашение, чтобы поставить великие державы перед свершившимся фактом. 19 февраля в предместье Константинополя Сан-Стефано приятный для России и балканских народов прелиминарный мирный договор был подписан. Однако такой мир не устраивал ни Турцию, ни Англию и Австро-Венгрию. 22 февраля австро-венгерский министр иностранных дел Андраши при поддержке Англии потребовал пересмотра всех условий русско-турецкого договора на международном конгрессе. Оказавшись в изоляции, Россия была вынуждена согласиться. Состоявшийся позже, летом 1878 года, Берлинский конгресс, как известно, радикально пересмотрел условия Сан-Стефанского мирного договора, перечеркнув ряд завоеваний России и балканских народов.

Усиливалось недовольство трудящихся масс. Война, повлекшая за собой мобилизацию здорового сельского населения и новые поборы, а также неурожай в ряде губерний приводили к расстройству хозяйства. В связи с этим отмечается некоторый рост крестьянских выступлений. В январе-феврале 1878 года на промышленных предприятиях Петербурга происходит ряд стачек и волнений. Среди них особенно выделялась стачка 2000 рабочих Новой бумагопрядильной и Ткацкой фабрики, начавшаяся в конце февраля и продолжавшаяся до двадцатых чисел марта. По этому поводу революционеры распространили прокламацию «К рабочим фабрик и заводов», в которой призывали к их сплоченности и взаимной поддержке[36].

Все это, особенно неудачи России на внешнеполитической арене, способствовало росту оппозиционных настроений в русском обществе. Казалось, развязка близка.

Сноски к главе I

- Голос. - СПб., - N 233.
- Сочинения И.С.Аксакова. Славянский вопрос. 1860-1886. - М., 1886. - С.251.
- Прибылева-Корба А.П. Автобиография. - Энциклопедический словарь бр. Гранат. - Т.40. - Приложение. - С.376.
- Сочинения И.С.Аксакова. Славянский вопрос. 1860-1886. - М., 1886. - С.279.
- ГА РФ. - Ф.109. - З отд., З эксп. - 1877 г. - Д.259. Л. 39 об. - 40.
- Кони А.Ф. Собр. соч. в 8-ми тт., Т.2. - М., 1966. - С.58.
- Плеханов Г.В. Соч.,Изд. 2-е. - Т. XXIV. - М.-Л., 1927. - С.97.
- Лавров П.Л. Русской социально-революционной молодежи. - Лондон, 1874. - С.20.
- Община. - Женева, 1878. - N 1. - С.6.
- Морозов Н.А. Повести моей жизни. - Т.2. - М., 1961. - С.187.

- Сажим М.П. Арман Росс. Воспоминания. 1860-1886. - М., 1925. - С.99.
- Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. док. и матер. в 2-х тт., Т.2. - М. - Л., 1965. - С.30.
- Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия. - М., 1960. - С.39.
- Красный архив. - М., 1924.,N 6. - С.129.
- Кони А.Ф. Собр. соч., Т.2. - С.343.
- Там же. - С. 45-47.
- Там же. - С. 53-54.
- См.: Голос. - 1877, N 161; Новое время. - СПб., 1877, N 502.
- Хроника социалистического движения в России. Официальный отчет. 1878-1887. - М., 1906. - С.12.
- Глаголь С. Процесс первой русской террористки // Голос минувшего, 1918, N 7-9. - С.150.
- Синегуб С. Воспоминания чайковца // Былое. - 1906, N 10. - С.52.
- Там же. - С.55-57. Имеется аналогичный рассказ другого участника событий. См.: Цвиленев Н.Ф. Автобиография. - Энциклопедический словарь бр. Гранат, Т.40. - Приложение. - С.531.
- Набат. - Женева, 1878. - С.156.
- Стеблин-Каменский Р.А. Григорий Анфимович Попко.// Былое. - 1907. -1907, N 5-6. - Ч.1. - С.187.
- Волк С.С. «Народная воля». - М. - Л., 1966. - С.53.
- Цит. по: Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. - М., 1965. - С.394.
- Правительственный вестник. - СПб., 1877. - N 231.
- Цит. по: Левин Ш.М. Две демонстрации. - В сб.: Исторические записки. Т.54. - М., 1955. - С.253.
- Кони А.Ф. Собр. соч., в 8-ми тт., Т.2. - М., 1966. - Т.2. - С.63.
- Цит. по: Троицкий Н.А. Процесс «193-х». - В сб.: Общественное движение в преобразованной России. - М., 1965. - С.332.
- Хроника социалистического движения в России. Официальный отчет. 1878-1887. - М., 1906. - С.12.
- Бух Н.К. Воспоминания. - М., 1928. - С.146.
- «Дом Плеханова». Архив Дейча. - А.Д. - 457. - л.49.
- Община. - 1878, N 1. - С.3.
- Вестник Европы. - СПб., 1878, N 1. - С.379.
- Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. док. и матер. в 2-х тт., Т.2. - М. - Л., 1965. - С.53.

Глава II

ОТ ПОКУШЕНИЯ ДО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

24 января 1878 года, на следующий день после завершения процесса «193-х» в Петербурге произошло неслыханное. Во время приема посетителей в своем кабинете был тяжело ранен градоначальник генерал-адъютант Ф.Ф.Трепов. Покушение совершила неизвестная молодая особа, назвавшая себя домашней учительницей Козловой. Выстрел, как сразу же заявила она, был совершен с целью не оставить без последствий издевательство Трепова над политическим арестантом Боголюбовым летом прошлого года. Стрелявшая не делала попыток скрыться и не оказала сопротивления при задержании. После жестокого избиения ее отправили в камеру. По делу началось дознание и предварительное следствие, вскоре выяснившее настоящее имя преступницы - Вера Ивановна Засулич.

В это же день Мария Коленкина* под вымышленной фамилией «Загорская» пытаясь совершить покушение на В.А.Желеховского, автора обвинительного акта на процессе «193-х». Однако она не смогла попасть на личный прием, и замысел не удался. Этот факт не получил тогда огласки.

Весть о покушении на жизнь Трепова быстро облетела столицу, а затем и страну. Событие произвело большое впечатление на всех жителей Петербурга, даже далеких от политики и общественной жизни, но вынужденных в силу обстоятельств постоянно сталкиваться со «строгостями» градоначальника. Причинам и социальному смыслу покушения в этих кругах значения не придавали, воспринимая его на уровне обыденного сознания. «Давно не радовался ничему так шумно Петербург, как «наказанию Трепова», - писал эмигрантский «Набат». - Купечество пустилось пьянствовать с радости. У всех бедных людей радостные лица»[1]. Агент 3-го Отделения доносил, что «решительно не замечается, чтобы постигшее г.Градоначальнику несчастье было предметом особенного соболезнования. Вообще, этот случай вполне выяснил, что в петербургском населении число сочувствующих г.Градоначальнику очень незначительно»[2].

Характерно, что широкий социальный, политический смысл выстрела В.Засулич на первых порах был явно недооценен правительственными кругами и консервативной общественностью. Бряд ли стоит (вслед за революционными публицистами того времени) усматривать большее, нежели простое внимание к пострадавшему, в том факте, что Трепова сразу же посетил император, великий князь Константин Николаевич, принц П.Г.Ольденбургский, военный

*М.А.Коленкина в период подготовки покушения на Трепова снимала вместе с В.Засулич комнату на Английском проспекте. Она сама вызывалась стрелять в градоначальника, однако жребий выпал на Веру Ивановну.

министр Д.А.Милютин и другие титулованные особы. Трепов был родственником императора (незаконорожденный сын Николая I), и Александр II относился к нему благосклонно. В.А. Твардовская отмечает, что даже такой опытный публицист, как М.Н.Катков не смог тогда предугадать всю общественную значимость покушения Веры Засулич, не смог связать его с процессами, начавшимися в революционном подполье [3]. На протяжении двух с лишним месяцев, вплоть до судебного разбирательства «Московские ведомости», занятые вопросами внешней политики, посвятили этому делу лишь несколько сухих информаций.

Значительно большую активность развили петербургские консервативные газеты, но и они не отличались проницательностью. Опубликованные материалы были эмоциональны, но не особенно умы. Событие в приемной градоначальника называлось не иначе как «трагическим происшествием», которое якобы «вызывалось в населении столицы полное негодование к преступнице». Вокруг личности Трепова искусственно сооружался ореол. Тяготеющая к бульварной прессе «Петербургская газета», а вслед за ней и сугубо охранительная «Русская газета» в мистическом порыве сообщили, что тем же роковым утром 24 января на голову градоначальника чуть не упал с крыши огромный ком снега[4]. Было, мол, посланное свыше предупреждение. В середине февраля «Петербургская газета» сочла своим долгом довести до сведения читателей, что в госпитале Медико-хирургической академии лежит некто рядовой Павлов с точно таким же ранением, как у Трепова[5]. Делалась, таким образом, неуклюжая попытка уподобить царского чиновника солдату, раненому на фронте. Во многих газетах из номера в номер публиковались бюллетени о состоянии здоровья Трепова. От своих сторонников он получал «в множестве» личные и письменные заявления сочувствия, за его здоровье поднимались тосты.

В отношении Веры Засулич в правительственные кругах особых раздумий не было. Здесь циркулировал слух о том, что эта «мерзавка» наверняка была «любовницей» Боголюбова. К ней применялся привычный стереотип «нигилистки» - фанатичной и аморальной. Недаром военный министр граф Д.А.Милютин записал 24 января в своем дневнике, что в Трепова стреляла «какая-то стриженая (!) девица»[6].

По-другому отнеслось к покушению так называемое среднее сословие, столичная интеллигенция. Пожалуй, именно в этой среде «громы плевенских пушек заглушил вдруг один слабый звук выстрела Веры Засулич»[7]. Событие заставляло отвлечься от нерадостных вестей международной политики и задуматься над происходящим в стране. В одном из перлюстрированных царской охранкой писем, датированном 13 февраля, говорилось: «Войной как-то мало интересуются, а относятся к ней скорее отрицательно, чем сочув-

ственно; говорят же больше о текущих событиях, вроде окончившегося политического процесса и покушения на жизнь Трепова»[8].

Впрочем, и этим кругам, может быть, за небольшим исключением, также понадобилось время, чтобы усмотреть в выстреле В. Засулич серьезный социальный, политический смысл. Явным непониманием происходящих общественных процессов объясняется факт, что в этой среде циркулировал нелепый слух о том, что якобы царь сам разговаривал с Верой Засулич во дворце и узнал от нее «такие вещи про властей, которых никак не подозревал», и был очень расстроен. Вообще об Александре II говорили, будто бы он сказал своим приближенным: «Вы мне оклеветали молодежь, я ее сам видел на войне и нахожу, что враги государства не между ними, а между окружающими меня»[9].

В поступке Веры Засулич либералы увидели в конце концов протест против административного произвола, против безнаказанности и всевластия чиновника-самодура. Безотносительно к форме такой протест совпадал с их взглядами. При этом либералы старались закрыть глаза на тот факт, что и Боголюбов, и Засулич - революционеры. Характерна в этом отношении позиция «Русского обозрения». В конце января некоторые газеты консервативного направления сообщили о том, что В.И.Засулич была замешана в нечаянской истории. (Как известно, формальное основание для такого утверждения имелось: Засулич была лично знакома с Нечаевым, получала от него письма для передачи адресату и, наконец, подвергалась репрессиям в связи с этим). Подчеркивая «преступное» прошлое покушавшейся на жизнь градоначальника, реакционная печать намекала на политический характер событий 24 января [10]. Это явно не устраивало либералов. 5 февраля «Русское обозрение», резко критикуя «ретивых сыщиков» из «Нового времени», заявляло: «...Между покушением и нечаянской историей, а также и историями, подобными нечаянской, нет никакой связи. Да и какая же, в самом деле, возможна связь между делом политическим и обыкновенным уголовным преступлением»[11]. В этой публикации выдвигалось и осторожное требование в связи с событиями 13 июля в доме предварительного заключения: «Стоустая молва передает по поводу этой расправы ужасные подробности. Мы считаем неуместным касаться этих подробностей теперь, в той уверенности, что суд, правый и милостивый суд, предаст их гласности... Это ... очень важно для удовлетворения общественного мнения»[12].

В своих воспоминаниях А.Ф.Кони четко разграничивал отношение столичной общественности к Трепову и к Засулич. «...Имя Трепова не вызывало в эти дни ничего, кроме жестокого безучастия и совершенно бессердечного любопытства». И дальше: «Мнения, горячо дебатируемые, разделялись: одни рукоплескали, другие сочувствовали, трети не одобряли, но никто не видел

в Засулич «мерзякую» и рассуждая разно о ее преступлении, никто, однако, не швырял грязью в преступницу и не обдавал ее злобной пеной всевозможных измышлений об ее отношениях к Боголюбову»[13].

Интересен вопрос об отношении к событию 24 января со стороны учащейся молодежи. К этому времени она имела уже известные революционные традиции. С.М.Степняк-Кравчинский писал, что в России «университеты и гимназии - центры самой бурной и страстной политической жизни, а в высшей сфере имперской администрации слово «студент» отождествляется не с чем-то молодым, благородным и вдохновенным, а с темной, опасной силой, враждебной законам и учреждениям государства»[14]. В 70-е годы учащаяся молодежь давала более половины участников революционного движения, а студенты и вольнослушатели высших учебных заведений - более трети. Среди последних особенно выделялись Петербургская медико-хирургическая академия, Технологический институт, Петровская академия, Московский университет. Борьба учащейся молодежи не была однородной. Наиболее энергичная часть студенчества вливалась в ряды революционеров. Из покинувших школы или университеты вырастали многие руководители освободительного движения. С другой стороны, велась борьба за демократизацию обучения, за строгое соблюдение и развитие принципа университетской автономии, против вмешательства администрации и жандармов в жизнь учащейся молодежи. Зачастую такое движение было самостоятельным, не выходящим за рамки учебного заведения.

Есть ряд примеров, иллюстрирующих положительное отношение учащейся молодежи к событию 24 января. Р.М.Плеханова, описывая случай, когда вскоре после покушения у жандармов возникло подозрение, что Вера Засулич является студенткой Высших женских медицинских курсов, а потом выяснилась ошибка, замечала: «...нам было жалко, что самоотверженная девушка, отомстившая бесстыдному временщику, вышла не из нашей среды. То, что сделала эта герояня, за что она отдала в жертву свою молодую жизнь, было нам очень близко и дорого...»[15]. О другом случае вспоминал Л.Тихомиров. На одном из студенческих балов после краткой речи революционера А.Михайлова о российском произволе и героическом поступке Веры Засулич был поднят тост за ее здоровье [16]. Видимо, кому-то из учащейся молодежи принадлежали и посланные вслед за покушением, написанные одной рукой краткие письма Мезенцеву, Палену, Желеховскому и Трепову. В них выражалась радость по поводу постигшей градоначальника справедливой кары и требовалась «собачья смерть всем собакам»[17].

Особую роль сыграл террористический акт 24 января в развитии революционного подполья. Хотя никто из революционеров не осудил поступка В.Засулич, отнеслись к нему по-разному. Покушение на Трепова объективно

должно было приобрести значение принципиального факта. Но в условиях царившей в революционном движении идейной пестроты мнение на этот счет не могло быть единым. В большинстве случаев поступку Веры Засулич давалась не политическая, а моральная оценка. В прокламации «Земли и воли», выпущенной по этому поводу, говорилось: «Мы, пишущие эти строки, нисколько не сторонники насилия... Страшен и велик твой подвиг, и немногие могут вместить его, но слава русскому народу, что в нем нашлась хоть ты одна, способная на такой поступок»[18]. Осторожно отзывалась об этом событии и издаваемая в Женеве последователями М.Бакунина «Община». В ее февральском номере была помещена только сухая информация о происшедшем без какой-либо оценки [19]. Террористическому акту не придавали, очевидно, принципиального значения и многие разбросанные по России самостоятельные революционные группы. «Мы... - вспоминал, в частности, Л. Тихомиров о кружке «чайковцев», группировавшихся вокруг С.Перовской, - не имели в виду как-нибудь эксплуатировать это дело: оно было не наше и нас не касалось»[20].

Но среди части революционеров выстрел Веры Засулич послужил своего рода сигналом к открытой борьбе с правительством. Н.А.Морозов так воспроизводил свои мысли, вызванные этим известием: «Вот оно, приходит то, чего я давно ждал, что неизбежно должно было прийти после этих ужасных трех лет гонений»[21]. Ткачевский «Набат» писал о покушении В. Засулич как о чем-то давно желанном: «В Трепова стреляли! Первой мыслью, какая пришла в голову, было «Наконец-tol» и затем :«Очень жаль, что давно не стреляли!»[22]. В корреспонденции из Петербурга, датированной 27. января, эта мысль повторялась: «Говорунам анархистам-пропагандистам она дала урок деятельности»[23].

Весьма положительно отнеслись к покушению южане. Одесский кружок И.Ковальского, в котором террористические настроения появились еще в конце 1877 года, не только одобрил поступок Засулич, но и обещал продолжить борьбу в такой же форме. «Мы,- заявляла прокламация, - пойдем по следам наших лучших товарищей ... Да погибнут!...»[24]. Правда, к одобрению поступка Засулич со стороны южан примешивалась и известная досада, что она их опередила. Придя к выводу, что индивидуальный террор необходим, они выступили против рыцарского самопожертвования революционера. В том случае, если есть возможность избежать ареста и репрессий, ее необходимо использовать. Готовя покушение на Трепова, южане рассчитывали обойтись без жертв со своей стороны.

Непосредственно под впечатлением выстрела Веры Засулич в рядах революционеров появилась решимость не отдаваться без сопротивления в руки властей. Так, когда спустя несколько дней после покушения на Трепова возникла угроза ареста М.Коленкиной, и ей посоветовали немедленно скрыться,

революционерка заявила, что не оставит квартиры и, если придут жандармы, будет стрелять. «Вооруженное сопротивление, - сказала она, - при данных условиях лучший способ пропаганды»[25].

30 января 1878 года эти настроения проявились на практике. Во время нападения жандармов на конспиративную квартиру, где собирались почти все члены кружка И.Ковальского, революционерами было оказано дерзкое вооруженное сопротивление, в ходе которого оказались убитые и раненые. 28 марта их пример был подхвачен в Киеве братьями Владимиром и Генрихом Избицкими. С этого времени вооруженное сопротивление при аресте становится нормой поведения революционера. Участились покушения на предателей и провокаторов. 1 февраля в Ростове-на Дону И.Ивичевичем был убит шпион Никонов. Подхвачен был пример и самой Веры Засулич: 23 февраля в Киеве Осинским, Медведевым и Ивичевичем было совершено, правда, неудачное покушение на прокурора Котляревского. Эти акты революционного возмездия принадлежали уже не отдельным лицам, а начавшему складываться на юге страны Исполнительному комитету, в состав которого входили В.Осинский, Г.Попко, Д.Лизогуб, братья Ивичевичи, И.Волошенко, А.Медведев (Фомин), В.Свириденко (Антонов) и другие.

В середине февраля предварительное следствие по делу В.Засулич было окончено судебным следователем Кобатом и передано прокурорскому надзору на общем основании. Об этом многозначительно сообщили газеты.

В вопросе о причинах передачи дела Веры Засулич суду присяжных заседателей, не занимавшемуся со времен нечаевских процессов (1871 и 1873 гг.) рассмотрением политических преступлений, у историков нет единого мнения [26].

Решить этот вопрос можно лишь предварительно ответив на другой, а именно: видели или нет организаторы суда над Засулич, в том числе и постоянно интересовавшийся этим делом император, в покушении на Трепова политический характер? Если нет, то придется констатировать их близорукость. Если же видели, то в таком случае следует выяснить мотивы, по которым власть предержащие не захотели отдать дело на рассмотрение в Особое Присутствие. Официальная «Хроника» излагала вопрос задним умом: «Процесс этот был как бы попыткой, пробным камнем для того, чтобы удостовериться, не достаточно ли обыкновенных юридических форм для суда над политическими преступниками»[27].

Ключ к разгадке дает такой авторитетный источник, как «Воспоминания о деле Веры Засулич» А.Ф.Кони, вступившего именно 24 января 1878 г. в должность председателя Петербургского окружного суда и председательствовавшего на этом процессе.

Во всей предыстории судебного разбирательства важную роль сыграл такой фактор, как личные качества непосредственных организаторов процесса

- К.И.Палена и А.А.Лопухина. Буквально в тот же день, 24 января, наспех ознакомившись на месте с обстоятельствами покушения, они решили, что дело подлежит рассмотрению в суде первой инстанции с участием присяжных заседателей. А.Ф.Кони был невысокого мнения о «тугоголовом» министре юстиции и «легкомысленном» новоиспеченном прокуроре Петербургской судебной палаты. Непонимание факта, с которым они столкнулись, объединяло их. Однако позиции Палена и Лопухина не были полностью идентичными. Вот как описывал разговор 24 января А.Ф.Кони, в точности слов которого нет оснований сомневаться:

«Когда я подошел к ним, Пален сказал: «Да, Анатолий Федорович проведет нам это дело прекрасно». - «Разве оно уже настолько выяснилось?» - «О, да! - ответил за Палена Лопухин, - вполне; это дело личной мести, и присяжные ее обвинят, как пить дадут». К удивлению моему, и Пален что-то несвязно стал прорицать о том, что присяжные себя покажут, что они должны отнестись строго и т.д.»[28].

Итак, министр юстиции не был твердо уверен в правильности принятого решения и старался заглушить сомнения надеждами на «благоразумие» присяжных. Для прокурора же все было ясно. И в последующее время, вплоть до самого суда, Лопухин не изменил своего мнения: дело уголовное, присяжные обвинят Засулич. Поколебать его не смогли даже явные доказательства политической окраски преступления. При желании можно было заглянуть в нетленные архивы 3-го Отделения, где хранились записи о том, что «Вера Засулич по убеждениям и действиям своим принадлежит к так называемым нигилисткам» и еще в 1869 году на ее квартире собирались молодые люди, говорившие о «провозглашении в России республики и о том, чтобы государя удалить в какой-нибудь уголок Сибири»[29]. В конце января в известных кругах прошел слух, что русские эмигранты из Лондона прислали в Россию список лиц, которых надлежит уничтожить. В нем были Трепов, Мезенцев, Пален и другие представители высшей администрации. Петербургские революционеры якобы бросили жребий, и Трепов выпал на долю Веры Засулич. Такое мнение приводилось, в частности, в одном из перлюстрированных писем[30]. Письмо прошло через руки царя и, несмотря на правдоподобность информации, не дало повода для ведения следствия в этом направлении. Среди чинов полиции циркулировал также слух о том, что Засулич имела сообщницу, и даже назывался ее адрес[31], но розыски ее не предпринимались. Полученная от прокурора Одесской судебной палаты телеграмма, в которой указывалось на связь Веры Засулич с революционными кружками, была укрыта от следствия. Дело упорно представлялось Лопухиным как чисто уголовное, продиктованное личными мотивами*.

*Примечательно, что позднее, проведя расследование "уличных беспорядков 31 марта", Лопухин в своем "представлении" Палену доказывал отсутствие политического характера демонстрации ссылкой на ... неполитический характер процесса Засулич (См.: ЦГИА. - Ф1405. - Оп.76. - Д.7286. - Л.7.)

Что же касается министра юстиции, то его беспокойство с приближением дня процесса росло; видимо, он начал понимать далеко не личный характер покушения на градоначальника. В середине марта Пален, выслушав сомнения Кони относительно осуждения Засулич присяжными, в запале заявил о своей решимости просить императора передать дело в Особое Присутствие. Во время следующего их разговора министр юстиции подчеркнул, что на процесс Засулич нужно смотреть «политически»[32].

Анализируя поведение организаторов процесса в период между 24 января и 31 марта, А.Ф.Кони высказал следующее мнение. Пален первоначально был искренне убежден в отсутствии политической окраски покушения и, видимо, в этом плане говорил с Александром II. Позднее же, связанный этим разговором и, может быть, обманываемый Лопухиным, уже затруднялся дать делу другое направление. Цели же Лопухина так и остались для Кони неясными, «если только здесь были цели, а не простое легкомыслie и упорство в раз высказанном взгляде на дело»[33].

Эта версия представляется достаточно убедительной, хотя, возможно, здесь отсутствует одно звено. В частности, не ясно, какую роль сыграл Александр II, который, конечно, пользовался советами не только своего министра юстиции. Не получил ли Пален от него указания на счет нежелательности политического процесса в данный момент, когда решалась судьба мирного договора с Турцией? Ведь за событиями в России пристально следили ее противники. Достаточно вспомнить, что в 1873 году Сергея Нечаева по тем же соображениям судили как уголовного преступника. Может быть, отсюда берет начало идефикс Палена и Лопухина - «вести это дело судом присяжных для какого-то будто бы возвеличения и ограждения этого суда от нападок»[34]. Если это предположить, то объяснится «невнимание» Лопухина к революционному прошлому подследственной и ее связями с подпольем. Станет понятным и отказ Палена поручить обвинение (как советовал Кони) товарищу прокурора судебной палаты А.Ф.Масловскому, умевшему вести «с большим тактом политические дела». Отказ, мотивированный нежелательностью придавать делу «слишком важное значение»[35]. Объясняется, наконец, и стремление Палена, ссылающегося на императора, скорее провести процесс, не дожидаясь мертвого сезона[36].

Но в любом случае правительство не могло допустить оправдания Засулич. С середины марта началась кампания давления на председателя окружного суда. Неожиданно он получил полуофициальное письмо от министра юстиции, в котором извещалось, что «государь император изволит принять» Кони в ближайшее воскресенье. Во время приема Александр II не затронул вопроса о предстоящем процессе, однако сам факт встречи да и к тому же

оказанное юристу «официальное отличие» содержали прозрачный намек[37]. За несколько дней до суда К.И.Пален заявил А.Ф.Кони: «..От вас, именно от вас правительство ждет в этом деле услуги и содействия обвинению. Я прошу вас оставить меня в уверенности, что мы можем на вас опереться». Крайне неудовлетворенный отказом, он затем с такой же прямотой попросил «кассационный повод на случай оправдания», т.е. предложил сознательно допустить в ходе судебного процесса нарушение Устава уголовного судопроизводства[38].

Много хлопот устроителям процесса доставил выбор обвинителя. Первонациально Лопухин остановился на кандидатуре товарища прокурора В.И.Жуковского. Однако тот наотрез отказался, сославшись на то, что дело Веры Засулич носит чисто политический характер, а он, поскольку его брат Николай является революционером и эмигрантом, не признает себя «по долгу совести компетентным обвинителем или судьею по политическим делам»[39]. Безрезультатно закончился разговор Лопухина и с товарищем прокурора С.А.Андреевским. Взять на себя роль обвинителя наконец согласился товарищ прокурора окружного суда К.И.Кессель, да и тот сделал это с явной неохотой.

21 марта в Министерстве внутренних дел обсуждался вопрос о наиболее удобной для правительства форме информирования общества о процессе. Итог обсуждения отразился в письме А.Е.Тимашева к К.И.Палену. Министр внутренних дел предлагал «установить для печатания отчетов о заседаниях по этому делу тот порядок, который был установлен по последним публичным заседаниям по политическим делам», сделать, чтобы «газеты ограничились печатанием о заседаниях лишь со столбцов «Правительственного вестника»[40]. В своем ответе (этакой смеси лицемерия, страха и недальновидности) министр юстиции указал на невозможность отступления от «законом установленного порядка» в связи с тем, что «особые меры касательно печатания отчета» могут содействовать «порождению превратных толков», дать «ошибочное направление общественному мнению»; они даже, «быть может», возбудили бы в «тех или иных лицах» участие к обвиняемой, тогда как совершенное ею преступление глубоко-де «возмущает нравственные чувства всех и каждого» и «необходимо должно вызвать всеобщее негодование и полнейшее осуждение»[41].

Активно готовилась к процессу и противоположная сторона. Товарищи по борьбе делали все возможное для облегчения участия Веры Засулич. Они внимательно следили за ходом предварительного следствия. Через А.Корнилову (освобождена по процессу «193-х») поддерживалась связь с арестованной. Обсуждался вопрос о предстоящем суде и его возможных последствиях. В конце концов защита была поручена присяжному поверенному П.А.Александрову, блеснувшему на недавнем политическом процессе.

С середины марта с новой силой возрастает интерес столичной общест-

венности к событию 24 января. Заветной мечтой многих было попасть на судебное заседание. В эти дни «Русский мир» писал: «Число посторонней публики, желающей присутствовать в нашем окружном суде на процессе о покушении на жизнь с-петербургского градоначальника уже в настоящее время настолько значительно, что оказывается возможным удовлетворить не более одной четверти обращающихся с просьбами - о допущении в заседание суда по этому делу»[42]. «Меня заваливали письмами и просьбами о билетах», - вспоминал А.Ф.Кони[43].

Сноски к главе 2

1. Набат. - Женева. - 1878. - С.159.
2. ГА РФ. - Ф.109. - Оп.1. - Д.117. - Л.6.
3. Твардовская В.А. Идеолог самодержавия в период кризиса «борцов» на рубеже 70-80 годов XIX в. - Всб.: Исторические записки., Т.91. - М.,1973. - С.219.
4. Петербургская газета. - СПб., 1878, N 18; Русская газета. - СПб., 1878, N 19.
5. Петербургская газета. - 1878, N 31.
6. Дневник Д.А.Милютина. 1878-1880. Т.3. - М.,1950. - С.18.
7. Любатович О.С. Далекое и недавнее. Воспоминания из жизни революционеров 1878-1881 гг. // Былое. 1906, N 5. - С.210.
8. ГА РФ. - Ф.109. - Оп.1. - Д.718. - Л.31.
9. Там же. - Лл.33, 31.
10. См.: Новое время. 1878, N 685; Гражданин. 1878, N 6. - С.119.
11. Русское обозрение. - СПб., 1878, N 6.
12. Там же.
13. Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 -ми тт. Т.2. - М.,1966. - С.68-69.
14. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. - М.,1965. - С.242. По сути ту же мысль высказывал, разумеется, с сожалением министр государственных имуществ граф П.А.Валуев (См.: ГА РФ. - Ф.109. - 3 отд.,3 эксп. - 1878 г. - Д.68. - Ч.1. - Л.148).
15. Плеханова Р.М. Страницы из воспоминаний о В.И.Засулич. - В сб.: Группа «Освобождение труда». - Сб. N 3. - М.-Л.,1925. - С.82-83.
16. Красный архив. - 1924, N 6. - С.138.
17. ГА РФ. - Ф.109. - 3 отд., 3 эксп. - 1878 г. - Д.68. - Ч.1. - Л.17(а-д).
18. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сб. док. и матер. в 2-х тт. Т.2. - М.-Л.,1965. - С.49.
19. Община. - Женева, 1878, N 2 - С.18-19.
20. Красный архив. - 1924, N 6. - С.137.
21. Морозов М.А. Повести моей жизни. Т.2- М.,1961. - С.206.
22. Набат. - 1878. - С.137.

23. Там же. - С.158.
24. Революционное народничество 70-х годов XIX века. - Т.2. - С.51.
25. Бух Н.К. Воспоминания. - М., 1928. - С.159. Позже, в октябре 1878 года М. Коленкина действительно оказала вооруженное сопротивление при аресте.
26. См., напр.: Левин Ш.М. Две демонстрации. - В сб.: Исторические записки. Т.54. - 1955. - С.252-253; Негретов П.И. К спорам вокруг процесса Веры Засулич.// Вопросы истории. - 1871, № 12. - С.183-186.
27. Хроника социалистического движения в России. 1878-1887. Официальный отчет. - М., 1906. - С.14.
28. Кони А.Ф. Собр. соч. - Т.2. - С.66.
29. ГА РФ. - Ф.109. - З отд., З эксп. - 1871 г. - Ед. хр.79. - Л.112-113.
30. ГА РФ. - Ф.109. - Оп.1. - Д.718. - Л.10.
31. Бух Н.К. Воспоминания. - С.159.
32. Кони А.Ф. Собр. соч. - Т.2. - С.73, 85.
33. Там же. - С.67
34. Там же.
35. Там же. - С.87-88.
36. Там же. - С.70.
37. Там же. - С.70-71.
38. Там же. - С.85-88.
39. ЦГИА. - Ф.1405. - Оп.534. - Д.1141. - Л.3.
40. Цит. по: Левин Ш.М. Две демонстрации. - Исторические записки. - Т.54. - С.252.
41. Там же. - С.252-253.
42. Русский мир. - СПб. - 1878. - № 81.
43. Кони А.Ф. Собр. соч. - Т.2. - С.89.

Глава III СУД И ПОСЛЕ СУДА

В пятницу, 31 марта 1878 года у здания Петербургского окружного суда на улице Шпалерной с утра толпилась публика. Известие о том, что в этот день будет слушаться дело Веры Засулич, привело сюда всех, кто не смог приобрести входных билетов в зал заседаний. Процесс покушавшейся на жизнь градоначальника обещал быть во всех отношениях интересным, и публика с нетерпением ожидала получить информацию из первых рук. Но между любопытствующими владельцами широкополых шляп, высоких сапог и пледов внимательные блюстители порядка заметили и ряд своих старых знакомых по процессу «193-х» - А.Головина, В.Рогачеву, Грушевскую, И.Пьянкова, А.Кувшинскую, а также студента Медико-хирургической академии Григория Сидорацкого. Эти были очень серьезны...

Судебное заседание открылось ровно в 11 часов утра.

Необычная торжественность, зал переполнен, публика в основном «избранная». Только в галерее видны простые одежды.

Председательское место занимает А.Ф.Кони, рядом с ним - члены суда О.Г.Ден и В.А.Сербинович. Вести обвинение готовится товарищ прокурора окружного суда К.И.Кессель, защищать подсудимую - присяжный поверенный П.А.Александров. Позади коронных судей расположились звездоносные представители высшей администрации: государственный канцлер князь А.М.Горчаков, петербургский губернатор Лутковский, государственный контролер Д.М.Сольский, члены Государственного совета, сенаторы, чиновники судебного ведомства. В местах, отведенных для представителей печати - Ф.М.Достоевский, Г.К.Градовский, Б.Н.Чичерин, корреспонденты российских и зарубежных газет.

Формируется состав присяжных заседателей. Воспользовавшись отказом Кесселя использовать свое право на отвод шести очередных присяжных*, Александров, заранее изучивший личные качества сегодняшних вершителей судьбы Веры Засулич, отвел девять купцов второй гильдии, двух действительных статских советников и одного статского советника. Избранными в состав присутствия, согласно статьям 659-661 Устава уголовного судопроизводства, оказались надворные советники К.С.Алексеев, П.С.Купинский, А.И.Лохов, А.И.Сергеев, титуллярный советник Н.В.Дадонов, коллежский секретарь

*Впоследствии это обстоятельство ставилось защитниками самодержавия Кесселю в упрек. Обвинитель, писал К.П.Победоносцев, "мог бы отвстать всех тех чиновников, которых оставил защитник, и мог бы оставить всех тех купцов, которых защитник отвел. Тогда и приговор присяжных мог бы быть совсем иной". (Письма Победоносцева Александру III. Т.1. - М., 1925.- С.120.

Д.П.Петров, коллежский регистратор А.А.Джамусов, помощник смотрителя Александро-Невского духовного училища М.Г.Мысловский, действительный студент А.И.Хализев, дворянин Р.Е.Шульц-Торма, купец второй гильдии В.А.Якимов. Своим старшиной присяжные избрали А.И.Лохова[1]

Жандармы с саблями наголо вводят в зал подсудимую. Внешне она спокойна, и только черная одежда подчеркивает бледность ее лица.

Строго звучат слова обвинительного акта. Дочь капитана Вера Ивановна Засулич обвиняется в том, что «имея заранее обдуманное намерение лишить жизни генерал-адъютанта Ф.Ф.Трепова, почти в упор выстрелила в левый бок последнего из револьвера, заряженного пулею большого калибра, причем означенным выстрелом причинила градоначальнику Трепову тяжелое повреждение, которое не повлекло за собой смерти генерал-адъютанта Ф.Ф.Трепова только по особым, непредвиденным обвиняемой Засулич обстоятельствам»[2]. Здесь же говорилось, что преступное деяние Засулич предусмотрено статьями 9 и 1454 Уложения о наказаниях 1866 года (о том, что по этим статьям полагалось лишение всех прав состояния и каторжные работы на срок от 15 до 20 лет, в обвинительном акте не говорилось; вплоть до 1910 г. судьям и сторонам запрещалось в ходе процесса оглашать перед присяжными наказание, которое грозит обвиняемому).

Допрашиваются свидетели, зачитываются письменные показания отсутствующего Трепова и заключения медэкспертов, задаются вопросы подсудимой. Постепенно обрастают фактами обстоятельства покушения, поясняются его мотивы. Фактическая сторона дела не вызывает сомнений. Налицо состав преступления, свидетельские показания не входят в существенное противоречие с тем, что признает сама подсудимая. Вырисовываются и смягчающие вину обстоятельства... И вдруг происходит неожиданное.

По просьбе обвинителя председатель приглашает майора Курнеева* для повторного допроса.

Кессель. Вы были опрошены судебным следователем по делу о беспорядках в доме предварительного заключения?

Курнеев. Да.

Кессель. В качестве обвиняемого?

Курнеев. Да.

Товарищ прокурора вопросов больше не имеет. Он торжествует.

* Судьба Ф.Н.Курнеева дважды переплеталась с предисторией этого процесса. 13 июля 1877 г. он временно исполнял должность заведующего Домом предварительного заключения и сыграл определенную роль в «боголюбовской истории». 24 января 1878 г. в качестве чиновника для особых поручений при градоначальнике он оказался свидетелем покушения Веры Засулич и проявил особое рвение при его задержании.

• Зал в изумлении замер. Что это?! С виновниками истязания Боголюбова собирались разобраться законным порядком? Выходит, самосуд Веры Засулич был нелеп от начала до конца?

Александров выводит зал из оцепенения. Несколько вопросов этому же тутому и самодовольному свидетелю - и все становится на свои места. Выясняется, что Курнеев допрашивался следователем исключительно по поводу расправы над взбунтовавшимися 13 июля заключенными «предварилки». «Наказание» же собственно Боголюбова царских законоблюстителей вовсе не интересовало. Уловка обвинителя разоблачена.

Допрашивают обвиняемую Веру Засулич. Зал в напряжении слушает ее прерывающиеся от волнения слова-исповедь, голос больной совести.

- Я решилась, хотя бы ценой собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью... Я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на происшествие... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать.

Начинаются прения. Со своего места поднимается товарищ прокурора К.И.Кессель. Он перебирает листы с текстом своей речи, в которой по ходу разбирательства делал пометки.

Его выступление сухо и невыразительно, Кессель явно не на высоте.

- Я обвиняю подсудимую Засулич в том, что она имела заранее обдуманное намерение лишить жизни градоначальника Трепова и что 24 января, приехав с этой целью к нему на квартиру, выстрелила в него из револьвера. Кроме того, я утверждаю, что Засулич сделала все, что было необходимо для того, чтобы привести свое намерение в исполнение...

Сказанное Кесселем дальше сводилось в основном к детальному обоснованию этого тезиса.* Правда, обвинитель пытался в конце концов выйти на социальные обобщения и возбудить против Засулич нравственные чувства присяжных. Но эта, заключительная часть речи оказалась довольно банальной. Кессель говорил, что каждый волен иметь свои взгляды и убеждения, но не волен проводить их в жизнь, если они нарушают право других лиц. В этой связи он ссылался на известное определение кантовского категорического императива. Рискованно ставя знак равенства между принципами нравственности и правовыми нормами, товарищ прокурора постулировал следующую «формулу поведения» для российских граждан: «поступай всегда так, чтобы действия твои были законны»[3]. Только суд - хранитель справедливости,

*После процесса, когда окончательно проявился политический характер покушения В.Засулич, защитники самодержавия ставили Кесселю в вину, что он не использовал в своей обвинительной речи фактов из прошлой жизни подсудимой, ее несомненной связи с революционным подпольем (см., например: Голицын Н.И. Мысли вслух // Гражданин, 1878, №20-21. С.414.)

может решить, что право и что не право. Засулич же, по словам Кесселя, са-моуверенно предположив, что ее взгляд вполне солидарен со взглядами об-щества, сочла возможным соединить в своем лице и прокурора, и защитника, и судью, вынесла смертный приговор и попыталась привести его в исполнение.

Любопытно, что Кессель, заявив о своем нежелании порицать или оправ-дывать действия градоначальника в «боголюбовской истории», фактически ис-ходил из признания их актом административного произвола («каждый обще-ственний деятель, кто бы он ни был, имеет право на суд законный, а не на суд Засулич»[4]).

Речь обвинителя не произвела заметного впечатления на тех, к кому была обращена. Впоследствии госсекретарь Е.А.Перетц записал в своем дневнике, что, не произнеся, а прочитав «написанную заранее плохонькую» речь, «обви-нитель действительно осрамился»[5].

Встает присяжный поверенный Александров. Как построит свою речь защищник? Человек он смелый на язык. Говорят, что он публично пригрозил обвинителю недавнего политического процесса «193-х» В.А.Желеховскому потомками, которые, мол, пригвоздят имя его к позорному столбу...

Адвокат начинает спокойно и сдержанно. Да, он согласен с многим из того, что сказал товарищ прокурора... Но выступление обвинителя не облег-чило задачу, стоящую перед защитой. Событие 24 января не может быть рас-сматриваемо отдельно от событий 13 июля прошлого года в доме предва-рительного заключения. Ведь если бы не было «боголюбовской истории», не последовал бы и выстрел в приемной градоначальника.

Произнеся заверения не обсуждать «действия должностного лица», Александров делает больше, чем обвинение Трепова, он обвиняет всю треповскую Россию. Яркими, точно бьющими в цель мазками защитник рисует страшную картину социальных противоречий. Вот она, беспрчинно и безжалостно рас-топтанная юность Веры Засулич: пустое подозрение оборачивается двумя годами одиночного заключения в Литовском замке и Петропавловской крепо-сти; затем долгие годы скитаний под административным надзором. Вот они, многочисленные политические преступники, в сущности, люди будущего, проповедующие то, что «еще недостаточно созрело и для чего еще не насту-пило время», но сегодня идущие на каторгу... Вот слышится легкий, «ме-лодический» перезвон розги в общем громогласном гуле плети, кнута и шинширученов - Россия дореформенная... Вот молодое поколение, выросшее уже после отмены телесных наказаний... И вот она, мерзкая картина экзеку-ции 13 июля. Священнодействие свершилось, позорная жертва принесена!

Зал не выдержал. Со всех сторон несутся аплодисменты, крики « bravо! » Председательствующий вынужден предупредить публику.

Александров полностью владеет аудиторией. Публика и присяжные наэлектризованы. А оратор уже спокойно говорит о чувствах, боровшихся в душе Веры Засулич, когда она узнала об истязании Боголюбова. Да! Она ждала правосудия... Но правосудие молчало, молчало и общественное мнение. И тогда вдруг молнией проносится в голове мысль: «А я сама!...» Не жизнь, не физические страдания генерал-адъютанта Трепова нужны были Засулич, а появление ее самой на скамье подсудимых и вместе с ней появление вопроса о случае с Боголюбовым.

Из этих общих посылок адвоката логично вытекало и его утверждение о том, что у Засулич не было намерения непременно убить Трепова: она стреля-ла как позволяли обстоятельства, не делала попытки повторить выстрел и тут же бросила оружие, да и выбор револьвера следует объяснить не его зна-чительной убойной силой, а сравнительно небольшими размерами, позво-ляющими спрятать его в кармане. Для Засулич было безразлично убить или ранить, а поскольку нанесена только несмертельная рана, постольку и судить ее надо за намеренное нанесение раны.

- Не много страданий, - говорил в заключение Александров, обращаясь к присяжным, - может прибавить ваш приговор для этой надломленной, раз-битой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва пре-дотвратит возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок ... в са-мых мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва. Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренно...*

От предложенного ей последнего слова Засулич отказалась.

Объявив прения законченными, председатель огласил проект вопросов, поставленных судом на разрешение присяжных заседателей:

- виновна ли Засулич в том, что, решившись отомстить градоначальнику Трепову за наказание Боголюбова и приобретя с этой целью револьвер, на-несла 24 января, с обдуманным заранее намерением, генерал-адъютанту Тре-пову рану в полость таза пулею большого калибра?

- если Засулич совершила это деяние, то имела ли она заранее обдуман-ное намерение лишить жизни градоначальника Трепова?

- если Засулич имела целью лишить жизни градоначальника Трепова, то сделала ли она все, что от нее зависело, для достижения этой цели, причем смерть не последовала от обстоятельств, от Засулич не зависевших?

Обвинитель и защитник против проекта не возражали, и суд вопросы утвердил. После этого председатель выступил со своим резюме.

*Эта речь П.А.Александрова очень высоко оценивалась современниками, в том числе и теми, кто считал ее «непозволительной». Защита В.Засулич принесла Александрову мировую известность.

Обращаясь к присяжным, А.Ф. Кони систематизировал доводы сторон и свидетельские показания, разъяснил и дифференцировал явления, обозначаемые понятиями «убийство», «покушение», «месть». Отметив, что факт выстрела Веры Засулич, причинившего тяжелую рану Трепову, несомненен и что подсудимая в момент покушения ясно сознавала свой поступок, он подчеркнул, что особому обсуждению присяжных заседателей подлежит «внутренняя сторона» действий подсудимой. Присяжные должны для себя решить, какую цель преследовала Засулич, была ли в преступлении личная корысть, было ли стремление уйти от правосудия? И в этой связи необходимо тщательно разобрать всю совокупность фактов, имеющихся в их распоряжении. Председатель суда пояснил, что в случае признания подсудимой виновной по первому или по всем трем вопросам присяжные могут признать ее заслуживающей схождения «по обстоятельствам дела»; основаниями здесь может послужить ее прошлая жизнь, «ее скорбная страдальческая молодость».

В конце своей речи А.Ф. Кони сказал присяжным: «Указания, которые я вам делал теперь, есть не что иное, как советы, могущие облегчить вам разбор данных дела и приведение их в систему. Они для вас николько не обязательны. Вы можете их забыть, вы можете их принять во внимание. Вы произнесете решительное и окончательное слово по этому важному, без сомнения, делу. Вы произнесете это слово по убеждению вашему, глубокому, основанному на всем, что вы видели и слышали, и ничем не стесняемому, кроме голоса вашей совести»[6].

Это резюме председателя суда, как и все ведение им процесса, можно считать образцовым с точки зрения профессионализма и требуемой по закону беспристрастности. И в этой связи не может не вызвать возражений утверждение исследователя В.И. Смолярчука о том, что выступление А.Ф. Кони «нацеливало присяжных» на выводы, «вытекавшие из речи адвоката», и что он «по существу, подсказал им определенный приговор»[7].

Взяв с собой опросный лист, заседатели удалились в совещательную комнату.

После резюме председателя суда, несколько смягчившего впечатление от речи защитника, многие в зале не сомневались, что присяжные вынесут компромиссное решение: признают Засулич виновной, но заслуживающей схождения. Это заставит коронных судей определить минимальную, согласно закону, меру наказания и, возможно, даст им основание для ходатайства перед государем о дальнейшем смягчении наказания и милосердии. Такого исхода хотел и сам А.Ф. Кони, считая, что последствия были бы «самыми благотворными во всех отношениях»: был бы осужден произвол сановников, наказание Засулич, дважды смягченное, никого не возмущало бы своей жестокостью, и наконец, поднялся бы авторитет суда присяжных, а аргументация его тайных и явных врагов была бы подорвана[8]. Однако судьба распорядилась иначе.

Прозвучал звонок. А.И. Лохов дрожащей рукой передал председателю заполненный опросный лист. Взглянув на него, А.Ф. Кони вернул лист старшине для объявления вердикта присяжных. В мертвой тишине зала прозвучали слова: «Нет, не виновна!»

Свидетели того, что произошло в следующий момент, признавали потом свою неспособность передать эффект, произведенный этим решением. «Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, возгласы: «Браво! Ура! Молодцы! Вера! Верочка! Верочка!» - все слилось в один треск и стон, и вопль. Многие крестились; в верхнем, более демократическом отделении обнимались; даже в местах за судьями самым усерднейшим образом хлопали...» - так описывал эту сцену А.Ф. Кони[9].

Почему присяжные, к радости революционеров и либералов, а заодно и ко всеобщему удивлению, оправдали Вера Засулич? Вопрос это непростой. Какие суждения и аргументы звучали в совещательной комнате, где присяжные находились в течение часа? Каково было соотношение «здравого смысла» и «чувства» в основе принятого решения? Насколько произнесенное там вслух совпадало с внутренними мыслями этих людей? Все это не известно. Положенная тайна совещания присяжных была соблюдена.

Здесь, правда, следует сделать оговорку. Вскоре после процесса в З-е Отделение, а также на имя и.д. градоначальника Козлова были направлены два, написанных одним почерком, письма, подписанные, соответственно, «Присяжный заседатель» и «Русский студент» (некоторые исследователи склоняются к тому, чтобы считать их автором А.И. Хализева). В них, якобы, от имени присяжных процесса Засулич, указывалось на единственную причину вынесения оправдательного приговора - прямую угрозу со стороны «разъяренных негодяев», окруживших здание суда, причем полиция обвинялась в преступном бездействии[10]. Имеется также смутное утверждение, исходящее из противоположного лагеря, что была группа революционеров, которые «заранее условились, чтобы после суда окружить Веру Засулич, оттеснить жандармов и помочь ей бежать за границу»[11]. Однако свидетельства эти вряд ли стоит принимать в расчет, скорее всего они были продуктами в первом случае pragmatическим интересом (если автором писем был действительно Хализев), а во втором - стремлением добавить задним числом в эту историю «героического». Иных источников, подтверждающих «агgressivnost» и - до вынесения приговора - какую-либо организованность радикально настроенной молодежи у здания суда, в распоряжении исследователей нет.

Историки периода «народнического бума» (вторая половина 1950-х - 1970-е годы) Ш.М. Левин, М.Г. Седов, С.С. Волк, П.С. Ткаченко, П.И. Негретов и др. в длительной взаимной полемике называли разные факторы, обусловившие

парадоксальный исход процесса. Думается, однако, что попытки выделить преимущественно одну-две причины в данном случае вряд ли оправданы. В объяснительном письме министру юстиции Палену от 5-6 апреля 1878 г. А.Ф.Кони заметил, что оправдание Засулич сложилось «от взаимодействия множества причин»[12]. И это, пожалуй, верно. Каковы же эти причины? Прежде всего - влияние на присяжных (может быть, многократно опосредованное и неосознанное) всего психологического настроя в обществе. Россия сгояла накануне общенационального кризиса, некоторые элементы которого уже проявились. Присяжные (возможно, не все и в разной степени) имели определенную предрасположенность к вынесению оправдательного вердикта. Решение же, конечно, пришло позже, в ходе судебного заседания. Мнение о том, что Веру Засулич можно оправдать, высказывалось накануне и далеко не революционерами. В одном из перлюстрированных писем, датированном 11 марта, некая неизвестная особа писала: «...что касается меня, то я вынесла бы ей полное оправдание, несмотря на то, что поступок ее считаю дурным...»[13]. По словам Г.К.Градовского, уже во время процесса Ф.М.Достоевский так выразил свое отношение: «...наказание этой девушки неуместно, излишне... Следовало бы высказать, иди, ты свободна, но не делай этого в другой раз»[14]. Конечно, между ни к чему не обязывающим заявлением частного лица в кругу знакомых и решением присяжных большая разница. Но сам факт таких настроений симптоматичен.

Далеко не последнюю роль в оправдании Веры Засулич сыграл и элемент случайности (впрочем, настолько ли это «случайно?»). Силы на суде сложились явно не в пользу обвинения. А.Ф.Кони показал образец действитель но беспристрастного, «законного» ведения процесса. Талант и энергичная деятельность П.А.Александрова накануне и в ходе судебного разбирательства были неизмеримо выше достоинств обвинителя. Во время речи защитника, как отметил один из корреспондентов, на глазах некоторых присяжных были слезы[15]. Попытка же К.И.Кесселя ввести суд в заблуждение во время допроса свидетеля Курнеева и слабая и плохо произнесенная речь не могли вызвать сочувствия.

Не пытаясь искать принципиального объяснения приговора присяжных в чём бы то ни было постороннем влиянии 31 марта, следует все же заметить, что здесь в какой-то мере могли оказаться и такие обстоятельства, как реакция публики в зале, настроение находящейся на улице молодежи, личность Веры Засулич, отсутствие на процессе «потерпевшей стороны» - Ф.Ф.Трепова и пр.

Но все это, видимо, не главное. Присяжные не могли основывать свой приговор на эмоциях. Они размышляли, совещались в комнате, на стенах которой крупными буквами были изображены текст присяги и содержание

соответствующих статей Устава уголовного судопроизводства.

Субъективно присяжные судили не революционерку. Это очевидное обстоятельство как-то обходится исследователями, хотя оно не может не быть признано в качестве решающего. О реально и давно (с 1868 года) существующей связи Веры Засулич с революционным подпольем и о действительной, отличавшейся от версии Александрова предыстории покушения на процессе не было сказано ни слова (достаточно допустить, что присяжным стало известно, что Засулич стреляла в Трепова по жребию, чтобы не сомневаться в ее обвинении). Перед присяжными предстала в общем-то обычная девушка, отличавшаяся от своих сверстниц разве что «судьбой-мачехой» да обостренным чувством справедливости. Дикий же поступок Трепова не мог найти поддержки в тех слоях общества, к которым принадлежали 12 человек, решавших ее судьбу.

Вынося вердикт, присяжные, конечно, не собирались оправдывать «кровавый самосуд». Их субъективная воля выражала только протест административному произволу, поруганию достоинства человеческой личности. Что же касается Засулич, то ей, по сути, «вменялись» в наказание те репрессии, которые уже были незаслуженно к ней применены в связи с процессом нечаянцев (1871 год). Российский суд, формально призванный в лице присяжных решать «по совести», со своей миссией в данном случае, кажется, справился.

Буквально с момента оглашения оправдательного приговора с новой силой разгорается борьба между революционно-демократическим и правительственный лагерями за судьбу террористки.

Вера Засулич не вышла на улицу из зала суда, а сначала направилась через внутренний ход в расположенный по соседству Дом предварительного заключения за своими вещами. В это время Лопухин посоветовал управляющему ДПЗ Федорову «повоздержаться» отпускать Засулич. Однако вскоре появилось необходимое предписание суда, и формальных оснований для дальнейшей задержки не было.

Шумный восторг, вызванный на улице известием об оправдании Засулич, утих, потянулись долгие минуты ожидания. Молодежи, толпившейся у здания суда, было известно, что между формальным признанием невиновности и фактическим освобождением в «Александровке» - значительная дистанция. Не верилось, что правительство оставит в покое оправданную Засулич; в лучшем случае можно было ожидать наказания административным порядком, в худшем - нового суда...

Неожиданное появление герояни дня вызвало у молодежи бурный восторг. С криками «ура» ее подхватили на руки и понесли по Шпалерной улице. Затем, не доходя до Воскресенского проспекта, Засулич усадили в извоз-

чичною карету, которая двинулась шагом, и сопровождали дальше, до угла с Фурштадтской. В толпе громко раздавались призывы идти в центр города - на Невский, Александровскую площадь и Набережную.

Неожиданно молодежь с тревогой заметила, что откуда-то появившиеся в большом количестве жандармы быстро движутся вдоль домов, окружая процессию. Полицмейстер А.И.Дворжицкий потребовал от демонстрантов разойтись, но увидев, что его не слушают, что-то резко приказал подчиненным. Дорога перекрыта. Молодых людей отталкивают от кареты. Процессия остановилась. Действия полиции и жандармов демонстранты расценивали как попытку арестовать Веру Засулич. Столкновение становилось неизбежным. Попали в ход кулаки...

Вдруг в самом центре толпы раздался выстрел, еще выстрел и еще. Все смешалось: ругань, удары, крики бегущих. С яростным «дави!» несутся конные жандармы. Сыплются новые и новые удары, юношей и девушек заталкивают во дворы домов...

Демонстрация разгромлена. На мостовой лежит раненая курсистка Анна Рафаилова. Жандарм, рядовой Микулин, ощупывает свою помятую пулей каску. На Воскресенском проспекте, шагах в двадцати от дома Шулленбурга распластался Григорий Сидорацкий. Рядом валяется револьвер системы «Смит и Вессон». Карета, в которой ехала Засулич, исчезла...

В тот же вечер судебный следователь Н.Ф.Русинов начал дознание по делу «О беспорядках, произошедших 31 марта». Допросу подверглись десятки людей. По подозрению в стрельбе был арестован И.Пьянков, незадолго до этого освобожденный по процессу «193-х»*.

Материалы дознания несколько проясняют картину самой крупной по числу участников (до полутора тысяч человек) политической демонстрации 70-х годов. Полиция и жандармы действительно не преследовали в этом уличном столкновении цель арестовать Веру Засулич. Приказ о ее аресте запоздал. Их задача была иной: не допустить продолжения демонстрации. Угроза «беспорядков» со стороны собравшейся возле здания суда молодежи заставляла власти быть начеку. Конные жандармы патрулировали Воскресенский проспект уже с 8 часов утра[16]. Что же касается вопроса о виновных в кровавом исходе, то собранные в деле утвердительные свидетельские показания делятся по явному признаку: демонстранты обвиняли полицейских и жандармов, последние же - демонстрантов. Несмотря на то, что никто из представителей радикальной молодежи, привлеченных к дознанию, не выразил определенного мнения по поводу смерти Сидорацкого, в этой среде в то

*Освобожден за отсутствием улик 3 апреля (См.: ЦГИА. - Ф.14055. - Оп.76. - Д.7286. - Л.л.64-65.)

время бытова уверенность, что он убит жандармами*.

Оправдание присяжными Веры Засулич и закончившаяся кровопролитием демонстрация произвели огромное впечатление на социально-активные слои российского общества. И правительственные партии, и революционно-демократический лагерь, и либералы неожиданно были поставлены перед необходимостью достаточно решительных действий.

Первые дни апреля характеризуются замешательством в рядах поборников самодержавия. К.П.Победоносцев, назвавший исход процесса В.Засулич «другой Плевной», в письме к наследнику престола заявлял, что «открывается бездна, еще грознее, еще ужаснее прежней». «...Куда мы идем, к чему мы придем?» - спрашивал он «в тяжком, тоскливом волнении»[17]. Многие представители правящих кругов не скрывали страха перед, казалось, близким революционным взрывом. Их дневники, личные и официальные записки пестрят мрачными предсказаниями и предложениями (в большинстве своем нелепыми) по предотвращению катастрофы.

Для первого, что казалось необходимым и выполнимым, - попытки «переиграть» судебный процесс, - было сделано все зависящее от властей. Вечером 31 марта, после посещения Александра II, Пален передал «высочайшую волю» по инстанциям. Срочно за подписью генерал-майора А.А.Козлова появляется «Прибавление к приказу по С.-Петербургскому градоначальству», в котором говорилось: «Предлагаю всем гг. участковым приставам принять самые энергические меры по разысканию и задержанию дочери капитана ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ... По задержании Засулич, отправить ее в Дом предварительного заключения...»[18]. Начались негласные розыски революционерки.

Однако теперь одного осуждения Засулич (даже если его представить) было явно недостаточно для укрепления пошатнувшегося престижа правительства. Император и его окружение видели необходимость в создании надежного ограждения себя от рецидивов. Вечером 31 марта по указанию Александра II созывается Особое совещание министров во главе с П.А.Вадуевым по изысканию мер для укрепления государственной безопасности. Этого момента ведет свою историю этот специальный орган власти - один из показателей политической неустойчивости в стране и нарождающегося кризиса «верхов». Правда, в это день правительство, проявив в очередной раз близорукость, не поспешило принять мер против печати.

*Хотя в этом деле до сих пор не все представляется ясным, большинство исследователей склоняются к мнению (совпадающему с официальной версией), что все три выстрела были произведены Сидорацким. Уверенный, что полиция и жандармы пытаются арестовать В.Засулич, он стал стрелять в них, но промахнулся и попал в Рафаилову, та упала. К тому же, по словам некоторых участников, раздался крик, что ранена Засулич. Это послужило причиной самоубийства Сидорацкого.

1 апреля газеты опубликовали сенсационное сообщение об итогах процесса. В большинстве своем они ограничились более или менее подробными репортажами или информацией и началом публикации стенографического отчета. Приговор суда имел тот жутковато-терпкий привкус, который делал комментарии для либеральных журналистов как бы неудобными. Казалось, присяжные сказали все, может быть, даже сверх меры. Не было определенности и в том, как отреагирует на их приговор правительство.

Видимо, сразу же после завершения судебного процесса корреспонденты газет поспешили в свои редакции, и поэтому 1 апреля еще не писалось о трагически окончившейся демонстрации. Так, «Русский мир» по ошибке сообщал своим читателям, что в тот вечер на улице «никому не пришлось дождаться Веры Засулич»[19]. Не нашли что сказать от своего имени в этот день и консервативные органы. Приговор присяжных их явно обескуражил. Даже «Московские ведомости» ограничились сухой информацией по поводу прошедшего вчера процесса[20]. Но этот же день принес некоторую определенность. В обществе разнеслось известие об уличной демонстрации по поводу оправдания Веры Засулич. Правительство молчало. Это вдохнуло энергию в либеральные круги.

Находящиеся под идеинным влиянием и, в известной мере, организационным руководством революционного подполья радикальные представители столичной учащейся молодежи развернули активную полулегальную деятельность. 1 апреля в Петербургском университете студенты Александр Ефимов и Григорий Исаев (будущий народоволец) собирали деньги для Веры Засулич. В библиотеке Медико-хирургической академии были вывешены срочно отпечатанные в «Вольной русской типографии» копии секретного приказа Козлова о розыске и задержании оправданной присяжными революционерки. Некоторые из студентов стали бойкотировать лекции профессора Н. В. Склифосовского, подписавшего медицинское свидетельство о том, что Трепов не может без угрозы для здоровья явиться на заседание 31 марта для дачи показаний, а также подвергнуться допросу на дому[21].

Столичная печать, за исключением сугубо «охранительных» органов, заговорила о деле Веры Засулич громко и определенно. Материалы, опубликованные 2-3 апреля, дали представителям правящих кругов повод говорить о «разнуданности» газет, об их «враждебном и вызывающем» тоне. Впоследствии «Московские ведомости» определили позицию этих органов как «предательство» перед лицом враждебной заграницы. Изданная в апреле подпольная брошюра отмечала, что «вся петербургская и московская печать (кроме «Московских» ведомостей» и «Гражданина») выразила такое сочувствие подвигу В. Засулич, и оправданию ее, какого никогда не было прежде в Александровке, какого никак не ожидали русские царские слуги»[22].

• Осуждение административного произвола, самодурства властей, нравственное оправдание поступка Веры Засулич, защита института присяжных - такие основные цели преследовали многочисленные репортажи, статьи, заметки, письма. Газеты не ограничились публикацией полной стенограммы процесса, которая уже сама по себе содержала открытое обвинение Трепова и треповской России. Молчать после происшедшего в зале суда было равнозначно сдаче своих позиций. 2 апреля «Русский мир» писал: «Если общество до этого процесса только понаслышке знало о допускаемом в известных случаях произволе, то теперь оно увидело воочию в каком виде и в каких формах является он и какие вызывает за собой последствия»[23].

Три инцидента вызывали возмущение демократических и либеральных слоев: события 13 июля в Доме предварительного заключения, трагический исход демонстрации 31 марта и попытка властей арестовать оправданную Веру Засулич. Как бы извиняясь за свое былое невнимание к «боголюбовской истории», либеральные газеты спешили заявить запоздалый протест дикому проявлению административного произвола. Впрочем, в большинстве случаев протест этот высказывался косвенно, не называя имен. Трепова «лягают изподтишка», замечал в своем блестящем фельетоне М. Драгоманов[24]. В ряде газет прозвучало резкое осуждение «охотников продолжить историю 13 июля и 24 января». «Голос» писал, что повлекшее жертвы столкновение демонстрантов с жандармами явилось «результатом излишнего усердия каких-нибудь низших чинов административной власти»[25]. «Северный вестник» требовал наказания виновных, «кто бы они ни были»[26]. Другие газеты также прямо или косвенно возлагали ответственность за трагический исход демонстрации 31 марта на полицию и жандармов.

Несмотря на то, что никаких официальных указаний по поводу событий 31 марта пока обнародовано не было, в обществе распространились слухи о стремлении властей вновь арестовать и подвергнуть наказанию Веру Засулич. «Северный вестник», проявив известную смелость, опубликовал полученное по почте письмо за подпись «В. Засулич». В нем говорилось, что Засулич вынуждена скрываться, опасаясь нового ареста. При этом указывалось на тот факт, что в ночь с 31 марта на 1 апреля на той квартире, куда она предполагала приехать после суда, был произведен обыск[27].

Демократическая и либеральная печать решительно поддержала оправдательный вердикт, вынесенный Vere Засулич. «Передовые статьи большей части газет, - справедливо отмечал А. Ф. Кони, - рассматривали решение присяжных именно как протест общественной совести, которая была возмущена явным нарушением закона и грубым насилием и не нашла в себе слова осуждения для той, которая явилась выразительницей негодования, накопившегося на душе

многих»[28]. «Где убийца?» - спрашивал в воскресном фельетоне Г.Градовский и отвечал: «Нет убийцы!»[29].

Одобрение исхода процесса было настолько сильным, что в этих слоях общества не возникает сомнений на счет постановки дела в суде, где в центре внимания фактически оказалось не покушение на градоначальника, а «боголюбовская история». Через два дня после процесса «Голос» писал, что дело В.Засулич «началось 13-го июля, в предварительной тюрьме, разыгралось 24-го января, в приемной петербургского градоначальника, и, повидимому, окончилось 31-го марта, в зале окружного суда»[30]. Либеральная оппозиция, зная весьма несложную логику мышления правящих кругов, спешила упредить возможные «охранительные» меры правительства. «Нет сомнений, - писал «Северный вестник», - что найдутся люди, которые будут уверять, что благотворный закон, допускающий свободное участие общественной совести в деле суда, не должен действовать далее. Найдутся люди, которым неприятен и этот единственный клапан, через который общество может беспрепятственно со-прикасаться с общественной властью. Скажем прямо: такой вывод из вчерашнего процесса был бы в высшей степени прискорбной и трудно поправимой ошибкой. При нынешнем общественном настроении только умножение числа таких благоприятных клапанов, а не упразднение единственного существующего в настоящее время, может привести общество к нормальным условиям жизни»[31].

Вплоть до 4 апреля консервативные газеты воздерживались от каких бы то ни было комментариев по процессу В.Засулич. Их редакторов решение присяжных поставило явно в тупик. Даже М.Н.Катков отказывался рассуждать «об этом странном деле». Единственное, в чем «охранительные» органы оказались способными полемизировать с либералами, - это оценка действий полиции и жандармов во время уличного происшествия 31 марта. Виновники трагического столкновения выставлялись демонстранты, на которых «увещевания полиции не действовали»[32].

День 3 апреля явился важным рубежом в развитии событий, связанных с именем В.Засулич. По интересному совпадению, одновременно, в 11 часов утра, началась сходка петербургских студентов в Медико-хирургической академии и открылось заседание Комитета министров под председательством Александра П. Общим был и повод для разговора.

По подсчетам «внешнего агента» в библиотеке академии собралось около 300 студентов и 25 студенток различных учебных заведений. Обсуждались события 31 марта и то, что полиция разыскивает Веру Засулич. Выступившие здесь участники демонстрации говорили, что Сидорацкий был убит жандармами. Сходка приняла решение отслужить по нем панихиду в церкви Владимирской Божьей Матери. Была определена дата панихиды - демонстрации

- 5 апреля. Участник сходки Адриан Михайлов утверждал впоследствии, что здесь страстно дебатировался вопрос о форме демонстрации: «вооруженной, по предложению одних, не вооруженной, как предлагали другие»[33]. Перед тем, как разойтись, студенты провели денежный сбор «для Верочки»[34].

Тем временем царские министры обсуждали экстренные меры «для устранения случаев, подобных делу девицы Засулич, т.е. чтобы не оставались безнаказанными преступления против должностных лиц, обязанных по своим должностям ограждать общество от покушений политических пропагандистов». Споры о том, где должны рассматриваться такие дела - правительство уже невольно исходило из реальной угрозы их повторения, - не привели ни к какому определенному решению. Обвинив своих министров в нежелании или неумении принять решительные меры, Александр II потребовал от Палена, Валуева и Милютина подготовить «какое-либо окончательное предположение»[35]. На этом заседании, как писала вскоре изданная подпольная брошюра, министры без колебаний одобрили соображения императора относительно необходимости «обуздеть» печать и учащуюся молодежь[36]. В этот же день «за распространение ложных известий» была запрещена розничная продажа «Нового времени» и «Северного вестника».

4 апреля в официальном органе и других газетах было опубликовано правительственные сообщение по поводу событий 31 марта. И хотя в нем отсутствовала оценка процесса В.Засулич, а речь шла только о кровавом столкновении на улицах столицы (причем полностью оправдывалось поведение полиции и жандармов и единственным виновником объявлялся самоубийца Сидорацкий), оно в известной мере охладило пыл оппозиционной печати. В тот же день были объявлены предостережения «Голосу» и «Русскому миру». В общество проникло известие о том, что приговор суда присяжных по делу Засулич будет оспорен прокурором. Комментируя правительственное сообщение, «Голос» примирительно заявлял, что «происшествие 31 марта не имело такого острого характера, который придавала ему мольба,... оно было только последствием недоразумения»[37].

5 апреля во Владимирском соборе состоялась подготовленная землевольцами торжественная панихида по Г.Сидорацкому. Как доносили тайные агенты, в ней приняли участие около 300 студентов, а также некоторые юристы и литераторы. О намерении радикально настроенной молодежи провести эту панихиду - демонстрацию власти знали заранее, однако по каким-то причинам на ее предотвращение не пошли. Правда, по некоторым свидетельствам, они не бездействовали. Участник событий А.Ф.Михайлов вспоминал: «Ранним утром этого дня мы с Александром Квятковским ... осмотрели площадь у собора. Странное движение происходило здесь: воинские отряды, отряды

городовых, пешие и конные жандармы проходили через площадь и исчезали в воротах прилегающих дворов. Ворота за ними запирались. Тротуары заполнялись группами дворников, очевидно стянутых с других мест Петера. Было ясно, что ожидался бой, и для него были сняты такие силы»[38].

После панихиды ее участники собрались на площади перед собором. Здесь студент Медико-хирургической академии Николай Лопатин произнес речь, в которой, как доносил агент 3-го Отделения, заявил: «Хотя мы собирались отдать память товарищу Сидорацкому, убитому жандармами, но главная наша цель состоит в том, чтобы высказать благодарность суду, оправдавшему Засулич, которую правительство хотело судить, но само получило отличную пощечину». Другой агент в своей записке утверждал, что последними словами Лопатина были: «Последуем же примеру Засулич и будем сами расправляться с притеснителями нашими, так как ожидать возмездия для них от правительства не приходится. Да здравствует Засулич! Да здравствует суд присяжных!»[39].

Но исход событий, связанных с «делом» В.И.Засулич, решался не только в Петербурге. 3 апреля в Москве местными землевольцами была организована молодежная демонстрация солидарности с высыпаемыми «в отдаленные губернии» за «беспорядки» пятнадцатью студентами Киевского университета. Встретив на вокзале арестованных товарищей, которых конвой пересадил в экипажи и вез по улицам города в пересыльную тюрьму, московские студенты сопровождали их. Неожиданно, когда процессия двигалась по Моховой, недалеко от университета, дворники и лабазники с Охотного Ряда с кулаками бросились на «изменников белого царя»*. Многие демонстранты были жестоко избиты.

Именно это событие, как отмечает исследователь В.А.Твардовская, вывело редактора «Московских ведомостей» М.Н.Каткова из состояния растерянности, помогло ему найти форму наступления на общественное мнение [40]. В очередном номере газеты прозвучала сакральная формула: избиение демонстрантов у Охотного Ряда - «это ответ русского простого народа на скандал «избранной публики», бывший 31 марта в Петербурге»[41]. Раньше других уловивший политический смысл «дела» Веры Засулич Катков со своим единственным ему «вредным талантом» энергично взялся за работу. 5 апреля яростная атака «Московских ведомостей» на демократическую и либеральную интеллигенцию обрела отчетливые грани. Прекратив начатое печатанье стенограммы процесса, газета опубликовала в этот день новый редакционный материал об охотнорядской бойне и статью Дм.Любимова «По делу Веры Засулич». В них содержались все в последующих номерах развитые и

*Следует заметить, что революционеры считали тогда это вмешательство "народа" провокацией, организованной полицией.

усиленные тезисы, обвинения и призывы, которые Катков выплеснул в общество в апрельские дни 1878 года.

Разбить моралистическую концепцию, построенную вокруг «дела» Засулич либеральной и демократической интеллигенцией, помочь правительству выйти из состояния растерянности - такую двуединую задачу поставил перед собой в этой ситуации М.Н.Катков. Залогом его будущей победы над, казалось, дружным газетным противником была не только традиционная поддержка «Московских ведомостей» властями, но и ярко выраженный политический подход редактора к возникшей проблеме. Катков апеллировал не к чувствам, а к рассудку, к «здравосмыслу». Этические категории совести и долга, воспетый на все лады в либеральной, демократической и революционной печати альтруизм Веры Засулич менее всего волновали идеолога самодержавия. Для него важно другое: «Произведен был выстрел в высшее административное лицо за распоряжение, сделанное при исполнении служебных обязанностей»[42]. «Московские ведомости» прямо заговорили о принадлежности Засулич к революционному лагерю. «Эта недоучившаяся ничему «дева идеи» то собирается учить народ тому, чего сама не знает, то является стрелять в градоначальника...»[43].

Для Каткова исход процесса Веры Засулич совершенно противоправен. «Факт преступления совершен, присяжные заседатели могут найти смягчающие обстоятельства, но миловать закон им права не предоставляет», - возмущенно воскликнул Любимов[44]. В следующем номере газеты ее петербургский корреспондент замечал, что присяжные, решавшие судьбу Засулич, оказались просто жертвой обстоятельств. «Приговор их истек как бы сам собою из той постановки ее дела, какой оно явилось на суде», где «центр тяжести переместился самым неожиданным образом» с факта покушения на градоначальника - на события в предварительной тюрьме [45]. А 7 апреля внешнеполитическая статья «Московских ведомостей» начиналась язвительной фразой: «Пока у нас шли толки о деле петербургского градоначальника, судившегося по обвинению в наказании арестанта Боголюбова, дела в Европе предвинулись...»[46]. Таким образом, определились и виновники «петербургского судебного скандала» - организаторы процесса.

М.Н.Катков стремился представить дело таким образом, будто «все классы населения» возмущены оправданием В.Засулич. И что самое главное, такого исхода процесса не приемлет народ. «В здоровой голове русского человека не вмещается мысль, что можно было «по заслуженному человеку и старику стрелять как по псу» и не только «казни не принять», но и быть за это несомою на руках по улицам, «вроде иконы, прости господи...» - передавал петербургский корреспондент [47].

Народные массы (в лексиконе Каткова это понятие включало в себя из

городских жителей лавочников, извозчиков и домашнюю прислугу) выставлялись на страницах «Московских ведомостей» в качестве «здорового» противовеса «гнилой», оторванной от «национальной почвы» либеральной и демократической интеллигенции. В качестве характерного примера отношения «простолюдья» к «героям демонстрации 31 марта» газета приводит слухи о том, что некий швейцар проявил в той ситуации похвальную инициативу, задержав и сдав городовому «молодца с револьвером в руке»[48]. Московские же простые люди, будучи «раздражены и взволнованы криками, долетавшими с Невы» («в наше время все читают газеты, и мясники, и извозчики»), при виде молодежной демонстрации «в честь преследуемых правительством лиц» дали кулачный «ответ на петербургский скандал»[49].

Охотиорядская бойня, событие, пришедшееся как нельзя более кстати, имела для Каткова и другую сторону. Широко эксплуатируя этот факт, он одновременно спешил загасить сам конфликт. Первое сообщение «Московских ведомостей» о разгроме демонстрации 3 апреля содержало плохо скрываемое удовлетворение автора и сыграло в сущности подстрекательскую роль. Выпущенная вскоре подпольная прокламация писала, что Катков, «льстя толпе разъяренных мясников», послужил «виновником тому, что зверская расправа продолжалась и 4 апреля над каждым, кто только по виду напоминал студента»[50]. Поэтому в номере за 5 апреля уже говорилось, что процессия «по всему вероятию» состояла в основном «из той неопределенной массы, которая обычно фигурирует во всех демонстрациях», в ней была только «некоторая доля воспитанников Комиссаровской школы, студентов Технического училища, Петровской академии и лишь несколько человек из университетской молодежи». При этом делалась оговорка, что «пришлось, быть может, пострадать и невинным»[51]. 6 апреля Катков уже вынужден был «опровергать» упреки либеральных газет в том, что он подзадоривает «дикого зверя» на учащуюся молодежь. «Могут ли быть нам приятны сцены, подобные происходившей 3-го апреля около Охотного Ряда?» - лицемерно воскликнул он и добавлял, что видою всему «люди, которые льстят молодежи и употребляют во зло ее велико-душные порывы для своих темных целей». В своем стремлении подорвать солидарность учащейся молодежи Катков обращался на сей раз исключительно к университетским студентам. Сам, льстя и лицемеря, он убеждал давать отпор всякой попытке их взволновать или вызвать на демонстрации[52].

В своей борьбе против зарождающегося общественного подъема и отравившей его оппозиционной печати Катков активно пропагандировал тезис о том, что события, подобные делу Засулич, являются предательством национальных интересов, подрывают международный престиж России. «Кому в пользу пытаться смутить и парализовать наше правительство в его теперешних

счетах с нашими противниками?» - риторически спрашивал Катков в одной из статей по поводу событий у Охотного Ряда[53]. В корреспонденции из Петербурга сотрудник «Московских ведомостей» приводил оценку процесса. В. Засулич и позиции столичной печати, якобы данную неким «представителем одной из крупнейших континентальных держав»: «Это изменнические поступки, которые... могут самым неблагоприятным образом повлиять на дело соглашения России с Европой по Восточному вопросу». «Что прибавить к этому?» - воскликнул корреспондент[54]. Поскольку «прибавить», действительно, было больше нечего, оставалось повторяться, упражняясь в грубых оскорблении «коллег». В одном из очередных номеров, процитировав подходящие места из двух немецких газет, которые со ссылками на русские либеральные органы писали о «признаках крайнего упадка» государственной власти в России, «Московские ведомости» заключали: «Бараны петербургской печати, вчерашние патриоты, сослужили хорошую службу России в эти трудные для нее минуты»[54].

Выступая с открытым забралом, Катков как бы продекларировал правительству не только основную линию в борьбе с оппозицией (никаких уступок, твердость и решительность), но и методы этой борьбы (неразборчивость в средствах, презрение к общественному мнению и т.п.). В этом же прямо убеждал наследника престола в своем письме от 8 апреля «вернопреданный» К.П. Победоносцев [56].

Либеральные и демократические органы печати дружно выступили против «позорных» статей «Московских ведомостей». При этом на какой-то момент катковская газета оказалась в общественной изоляции; ее поддерживал лишь еженедельник князя В.П. Мещерского «Гражданин». Что же касается других «охранительных» органов, то они предпочитали не ввязываться в шумный «диалог». Либералы объявляли себя противниками как «самосуда дикой черни», так и «самосуда револьвера». Катков же резонно напоминал о восторженной встрече ими оправдания В.Засулич, то есть как раз «самосуда револьвера».

Дискуссия, в ходе которой обе стороны применяли все более энергичные выражения, разрасталась. Однако правительство, начавшее (не без влияния «Московских ведомостей») переходить в активное наступление, грубо вмешалось в «свободное» обсуждение вопроса. 6 апреля оно недвусмысленно заявило о своей поддержке «единоборствующей» газеты. В этот день на страницах «Правительственного вестника» была воспроизведена, приобретшая таким образом силу официальной, формула Каткова: избиение демонстрантов охотиорядцами «это ответ русского простого народа на скандал «избранной публики», бывший 31 марта в Петербурге»[57]. А несколько дней спустя (11 апреля) появилось постановление, запрещавшее частным газетам вообще как-либо

касаться вопроса о московских уличных «беспорядках»[58].

Дело Веры Засулич и связанные с ним события неожиданно открыли глаза многих на размеры застарелой болезни общества. «Северный вестник» охарактеризовал моральный климат в России такой фразой: «Всем и каждому не по себе, никто не чувствует себя обставленным нормально»[59]. На это же обстоятельство указывал и министр государственных имуществ П.А.Валуев, человек в сущности далекий от либерализма: «В настоящее время даже зрелые люди выбыты из своей дороги и не находят себе поприща» [60]. «Здорово ли общество, в котором возможны подобные явления?», - вопрошал петербургский корреспондент «Московских ведомостей»[61].

В чем смысл происходящего? Возможна ли альтернатива? Какой должна быть линия поведения, чтобы перетянуть чашу весов на свою сторону? Такими вопросами задавались в те дни представители всех социально-активных слоев российского общества.

Симптомы надвигающегося общенационального кризиса представлялись либералам своего рода «болезнью роста». «Вестник Европы» утверждал: «... никакого нравственного разложения в обществе поступок Веры Засулич не означает. Он является и останется действием единичным. Вся сущность вопроса заключается в том, что проведенные у нас преобразования не успели еще охватить все сферы нашего быта... Рядом с Россией обновленной, преобразованной продолжает еще существовать Россия ветхая, дореформенная... Принципы нашего общественного строя должны быть однородны, иначе мы постоянно будем встречаться с такими фактами, что условиям закона судебного будут противоречить какие-либо правила полицейские. Преобразования еще не остановились, и при дальнейшем их осуществлении они не могут не охватить, наконец, и всего административного быта»[62]. «Только открытое и честное преследование произвола и насилия во всех их проявлениях, - заявлял «Северный вестник», - может удовлетворить и успокоить общество»[63]. «Хочется верить, - писал Г.Градовский, - что дело Веры Засулич оставит след в нашей внутренней жизни, что это тот кризис, тот перелом, который так обычен в тяжких болезнях, эта та желанная, хотя и тяжелая минута, с которой начинается выздоровление»[64].

Итак, альтернатива либералов: законность, позволяющая взаимно унижать «крайности», и дальнейшие преобразования, которые должны привести к туманно и разноречиво понимаемому участию «общества» в решении общественных вопросов. Однако на практике либералы показали неспособность не только разобраться в сущности происходящих общественных процессов, но и предпринять какие-либо реальные шаги для достижения сформулированной цели. Г.В.Плеханов справедливо замечал, что «утопический социализм

дополнялся... в семидесятых годах утопическим либерализмом»[65]. В те дни все в общем ограничилось словесной, в равной степени шумной и бесплодной, попыткой эксплуатировать дело Веры Засулич.

Судьбы России решались прежде всего в единоборстве непреклонных сторонников самодержавия и революционного лагеря. При этом, правда, обе партии внимательно следили за поведением либерального «общества»: первые - с раздражением, вторые - с надеждой. Весной 1878 года, пока еще не сложилась сильная группировка либеральной бюрократии, «линия Каткова и Победоносцева» принималась в правительственные кругах без особых возражений. Дебатировался не принцип, а конкретные детали бескомпромиссного наступления на революционный лагерь и общественное мнение. В окружении Александра II вынуждены были прямо признавать, что «орудия правительства в значительном большинстве стоят ниже посредственности». Указывавший на этот факт председатель Особого совещания П.А.Валуев заканчивал свою деловую записку характерной фразой: «Не новых преобразований мы просим, а людей, людей, ради бога людей!»[66].

Однако шансы на обретение правительством новых «людей», то есть умных, умелых, верноподданных деятелей, были столь же невелики, сколь и его способности к социальным преобразованиям. Смена в этот период ряда видных администраторов* не привела, как известно, к заметному улучшению «орудий правительства». Конкретные действия властей, несмотря на энергичные поиски новых форм, свелись и на сей раз к традиционному «обузданнию» и «строжайшим мерам». На газеты, проявившие признаки оппозиционности, обрушились репрессии. 6 апреля «по высочайшему повелению» был закрыт «Северный вестник». «За вредное направление» приостановлено издание «Русского обозрения». Ряду газет были объявлены предостережения. Эта правительственный кампания по затыканию ртов возымела последствия. Небогатый в сущности итог умеренных рассуждений интеллигентской оппозиции по поводу событий, связанных с делом Веры Засулич, подводился на страницах апрельской книжки «Отечественных записок» и майского номера «Вестника Европы». В обоих случаях (правда, разным тоном: в первом - скептически-ироническим, во втором - энергично-оптимистическим) были

*Исход процесса В.Засулич вызвал ряд служебных перемещений. Вынужден был подать в отставку Пален, а ставший министром юстиции Д.Н.Набоков принял за чистку судебного ведомства. Товарищи прокурора В.И.Жуковский и С.А.Андреевский, отказавшиеся в свое время выступить в роли обвинителей на процессе В.Засулич, потеряли свои места и перешли в адвокатуру. Управляющий домом предварительного заключения М.Федоров сначала "за несвоевременное освобождение Засулич" отсидел семь дней на гауптвахте, а затем подал в отставку. Распрощался с чиновниками своего ведомства Ф.Ф.Трепов. На долгое время попал в опалу, оставшийся впрочем членом окружного суда, А.Ф.Кони. В этом же году оставил кресло министра внутренних дел А.Е.Тимашев.

приведены аргументы морального плана в защиту оправдательного приговора, делался кивок на демократические институты и традиции западных стран, защищался суд присяжных, критиковались «Московские ведомости».

Приняли власти меры и по «обузданию» учащейся молодежи. В середине апреля были арестованы и высланы «в северные губернии» участники панихиды-демонстрации по Г. Сидорацкому Н. Лопатин, С. Голоушев, Павловский[67].

Сорвало зло правительство и на многострадальном Боголюбове. Его, вместе отправки на каторгу (на что он был уже давно осужден), бросили в дом умалищенных, в буйное отделение Казанской психиатрической больницы, где он побывал до 1887 года и где уже на втором году психически заболел[68].

Тот факт, что многие газеты и журналы высказывали опасения за судьбу института присяжных в связи с исходом процесса Засулич, имел под собой реальную почву. В правительственные кругах в те дни активно обсуждался вопрос о реорганизации судебных органов с целью более успешной борьбы с растущим революционно-освободительным движением. При этом говорилось и о необходимости вообще ликвидировать институт присяжных. До этого дела, правда, не дошло. Но Указом от 9 мая 1878 года из подсудности присяжных заседателей были изъяты дела о сопротивлении распоряжениям правительства, о неповиновении властям, об оскорблении начальников подчиненными, о насильственных действиях и угрозах против должностных лиц, а также все должностные преступления.

Правительство не оставило попыток арестовать* и осудить Веру Засулич. В конце апреля К. И. Кессель опротестовал приговор суда присяжных. В ряду поводов для кассации он указал: 1) вызов в суд и допрос в качестве свидетелей по ходатайству адвоката четырех очевидцев событий 13 июля 1877 года в Доме предварительного заключения; 2) сам способ допроса этих свидетелей, когда им, отрицавшим какие-либо личные контакты с подсудимой, тем не менее было прямо предложено рассказать, что они знают об обстоятельствах наказания Боголюбова; 3) отказ коронных судей обвинителю в просьбе зачитать копию с предписания градоначальника Трепова управляющему ДПЗ о наказании Боголюбова наряду с удовлетворением ходатайства защитника прочитать в ходе заседания анонимную статью о наказании Боголюбова, помещенную в № 502 газеты «Новое время» за 1877 год в качестве вещественного доказательства и др. Перечислив девять статей Устава уголовного судопроизводства, которые, по его мнению, были нарушены в ходе процесса В. Засулич, Кессель просил Уголовный кассационный департамент Правительствующего Сената

*Спасаясь от полицейских ищек, Засулич вынуждена была менять квартиры. Некоторое время она скрывалась у участника процесса «193-х» И. Головина, у одного из редакторов журнала «Слово» Жемчужникова, у врача О. Э. Мейера, у служащего государственного банка Н. А. Грибоедова. В мае 1878 г. мастер своего дела А. Зунделевич переправил В. Засулич через границу в Швейцарию.

отменить приговор присяжных и решение окружного суда и дело о Засулич передать в другой окружной суд, так как пристрастное общественное мнение Петербурга может вновь повлиять на столичных присяжных заседателей нового состава. Ознакомившись с текстом протеста товарища прокурора, председатель и члены окружного суда направили в Уголовный кассационный департамент свой рапорт, в котором доказывали юридическую неосновательность предъявленных к ним претензий.

20 мая Уголовный кассационный департамент рассматривал дело В. Засулич. Мнения сенаторов резко разошлись. Докладывавший об этом деле первоприсутствующий М. Е. Ковалевский предлагал, ссылаясь на виновность Трепова, утвердить приговор присяжных и решение суда. Сенаторы Дейер, Орлов, Арсеньев, напротив, требовали не только отмены приговора, но и предания суду А. Ф. Кони[69]. В датированном тем же числом «верноподданейшем донесении» Александру II министр юстиции К. И. Пален писал, что кассационный департамент, «признав вызов свидетелей защиты, очевидцев наказания арестанта Боголюбова, неправильным, отменил приговор С. Петербургского Окружного Суда и передал дело для нового рассмотрения в Новгородский Окружной Суд»[70].

Решение это осталось на бумаге. В. Засулич успела эмигрировать. Впрочем, правительство и не прилагало особых усилий для его осуществления. Страх перед новыми «беспорядками» заставлял поступаться честью мундира. Так уже было накануне, когда Комитет министров отклонил как «несвоевременное» предложение Трепова напечатать в «Правительственном вестнике» доклад градоначальника, оправдывающий его поведение в «боголюбовской истории»[71]. Узнав о местопребывании Веры Засулич, правительство не решилось требовать у швейцарских властей выдачи революционерки и ограничилось, оставившись, разумеется, без ответа, ее формальным вызовом. Александр II, видимо, согласился с доводами, высказанными в донесении шефа жандармов А. Р. Дрентельна, совсем недавно заменившего на этом опасном посту казненного революционерами Н. В. Мезенцева. Указав на сомнительность успеха официального затребования, Дрентельн привел также мнение министра внутренних дел Е. А. Тимашева о «нежелательности» появления Засулич в России, ибо тот «не отвечает за новый вердикт присяжных заседателей, а вместе с тем полагает, что во всяком случае суд над Засулич может подать повод к новым беспорядкам». Мнения, что можно ограничиться простым формальным вызовом, придерживался и новый министр юстиции Д. Н. Набоков[72]. Дело, таким образом, было спущено на тормозах.

Представительное и непосредственное оправдание акции Веры Засулич демократическими и либеральными слоями российского общества вызвало

большой энтузиазм в рядах революционеров. Петербург обрел для них огромную притягательную силу. В столице в эти дни появились Александр Михайлов, Сергей Кравчинский и другие влиятельные деятели подполья. Однако, если к террористическим актам против «наиболее вредных» слуг престола революционеры уже в известной степени были морально и умственно подготовлены, то активная поддержка «общества», доселе тщетно вызываемая, явилась для них неожиданностью. Этим в значительной мере объясняется неспособность революционеров сразу достаточно трезво оценить социальное значение «дела» Веры Засулич. При всей противоречивости высказанных в апреле 1878 года мнений, в них в целом проявилась тенденция сознательно (с агитационной целью), а большей частью, видимо, неосознанно выдавать желаемое за действительность. Это проявилось в недооценке сил противника, преувеличении нанесенного ему удара, явном завышении способностей «общества» стать союзником радикальных революционеров. «31 марта 1878 года для России начался пролог той великой исторической драмы, которая называется судом народа над правительством», - такими словами начиналась землевольческая листовка «К русскому обществу»[73]. «Бессильное во внешних делах, готовящееся к позорному миру, правительство и внутри перестает функционировать», - заявляла прокламация Н.К.Михайлова[74]. «Русское самодержавие убито, - писал С.М.Кравчинский на страницах «Общины», - 31 марта было последним днем его существования»[75]. Революционные издания подчеркивали тщетность усилий правительства изменить ход событий с помощью репрессий. «Русская общественная совесть, пробужденная делом Веры Засулич, - писала подпольная брошюра, - с каждым новым ударом бича будет пробуждаться больше и больше»[76]. В фельетоне, датированном 23 апреля, М.Драгоманов делал вывод: «Отношение публики ко всем этим явлениям протesta против политического строя России показывает, что движение на этот раз уже вышло за пределы исключительно кружков людей социалистического образа мыслей и учащейся молодежи. Движение опять становится общественным, как в 1860-1863 годах, но при этом более сознательным, более решительным...»[77].

Революционеры выдвинули лозунг объединения оппозиционных сил в борьбе против общего врага. «Мы приглашаем учащуюся молодежь, - писал Г.Плеханов, - приглашаем все партии, кроме партии кнута и палок, соединиться в одном общем и дружном написке для приобретения своих издавна попираемых человеческих прав...»[78]. Платформа для такого единения формулировалась Н.К.Михайловским в словах: «КОНСТИТУЦИЯ, ЗЕМСКИЙ СОБОР». «...В нынешнее же лето, от оправдания Засулич первое, царствования же императора Александра II двадцать четвертое, - призывал Михайловский, - факт передачи общественных дел в общественные

руки должен обратиться в принцип»[79].

Призывы эти не нашли отклика. «Энергия петербургского общества, - писал позднее Г.Плеханов, - истощились в очень короткое время, газеты не дотянули начатой ими либеральной ноги, и скоро все вошло в обычную уныло-казенную колею: социалистам оставалось только примириться с новым разочарованием и продолжать начатую в народе работу»[80].

Однако возвращения на исходные позиции уже не произошло. Несмотря на то, что надежды на быстрое, непрерывное нарастание антисамодержавного движения не оправдались, события 31 марта и первых дней апреля привели к существенному, и в известном смысле необратимому, сдвигу в мировоззрении революционеров. Открытая политическая борьба постепенно увлекала тех, кто прошел через разочарования пропагандистской и агитационной работы в нижних слоях российского общества. Изданный в апреле 1878 года «Летучий листок» Н.К.Михайлова содержал одну важную, можно сказать, пророческую оговорку. В том случае, если общими усилиями в скором времени самодержавие не будет свергнуто и не установится представительное правление, «в стране должен возникнуть ТАЙНЫЙ КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ». «И тогда, - заключала прокламация, - горе безумцам, становящимся поперек путей истории!»[81]. Именно в этом русле и развивалось в последующие годы основное течение революционной борьбы.

События не заставили себя ждать. Вскоре подтвердилось, что правительство не намерено идти ни на какие «послабления». Александр II отклонил ходатайство ОППС о смягчении участии осужденных на каторгу по процессу «193-х». Обращаясь к государю с таким ходатайством, сенаторы, видимо, надеялись, что формальное вынесение жестокого приговора, а затем смягчение его главой государства даст выгодный для правительства общественный эффект. «Дело» Веры Засулич резко изменило положение. Бывший землеволец А.Ф.Михайлов вспоминал: «Февраль и март прошли в ожидании. Противники - правительство и наша организация - точно измеряли взглядами друг друга: мы ждали исхода «ходатайства» «Особого Присутствия» о смягчении приговора осужденным и не желали ухудшать их положения; правительство ждало приговора суда над Верой Засулич. День 31 марта положил конец этому томительному положению»[82]. Как стало известно, ходатайство ОППС было оставлено Александром II без последствий по докладу шефа жандармов Н.В.Мезенцева, который убедил императора во вредности такой меры и необходимости проявить твердость.

Для обсуждения сложившегося положения петербургские члены общества «Земля и воля» собрались на совет. На собрании было оглашено новое печальное известие: в Петропавловской крепости умер, не дождавшись отправки

на каторгу, 24-летний Михаил Куприянов, общий любимец, человек выдающегося ума и блестящей эрудиции. Революционерам предстояло решить вопрос, выходящий далеко за пределы конкретной ситуации. Форма протеста против сохраненного жестокого приговора участникам процесса «193-х» объективно приобретала значение программы дальнейших действий. На собрании четко обозначились два различных подхода к вопросу. Первый проект, написанный одной из осужденных, делал ставку на поддержку «общества», обращался к его «лучшим чувствам», призывал возвысить голос против жестокостей правительства. Здесь, несомненно, сказалось влияние исхода процесса Веры Засулич. Однако находившиеся на свободе революционеры уже избавлялись от иллюзии относительно способностей «общества» реально поддержать такой протест. Этот проект не удовлетворил собравшихся. На следующий день они утвердили воззвание С.Кравчинского. По словам А.Ф.Михайлова, «это был обвинительный акт против правительства, предъявляемый ему самому»[83]. Основная идея воззвания концентрировалась в его последних словах: «До сих пор вы... не останавливались ни перед какими злодействиями, мы же терпели до последней возможности... Довольно всепрощения! Месть, месть кровавая, беспощадная будет отныне ответом на ваши злодейства. Вы сами довели нас до этого. Знайте же это и ждите!»[84]. Правительству объявлялась открытая война.

25 мая, перед отправкой на каторгу и в ссылку, 23 осужденных участника процесса «193-х» обратились к товарищам, остававшимся на свободе, с политическим завещанием, которое вскоре было опубликовано за границей. «Мы, - писали эти мужественные люди, - по-прежнему остаемся врагами действующей на Руси системы, составляющей несчастье нашей родины... Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованию и ради которой готовы бороться до последнего вздоха»[85].

Конечная цель оставалась прежней, однако представления о путях к ней начали меняться. В качестве ближайшей задачи все определенное вырисовывалось достижение демократических свобод, то есть благоприятных условий для борьбы собственно социалистической. Новые настроения потрясали «Землю и волю». Эта организация, достигшая в тот период наибольшего численного состава, в апреле-мае пересмотрела свои устав и программу, вновь подчеркнув необходимость «дезорганизовать силу государства», предполагая среди прочего «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится ненавистный... порядок»[86].

Старые формы деятельности постепенно теряли свою привлекательность.

Однако переоценка ценностей происходила медленно и противоречиво. Политическая борьба летом 1878 года еще имела больше принципиальных противников, нежели сторонников. Переход к ней происходил стихийно. «Южные революционеры - от Ковалевского до деятелей первого Исполнительного комитета, которых народовольцы считали пионерами политической борьбы, - не были сознательными политическими революционерами, - отмечает В.А.Твардовская[87]. Еще больше идеиной путаницы было на севере. Даже Сергей Кравчинский, с горечью писавший Вере Засулич в июле 1878 года о том, что революционеры проходят «не понятые, не услышанные» народом[88] и уже фактически ставший политическим борцом, заявлял в передовой статье первого номера нелегальной «Земли и воли» (начало ноября): «Обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью означало бы оставить свою прямую постоянную цель и погнаться за случайной, временной»[89].

Делалась попытка компромиссного решения: главное - работа в народе; террор - исключительная мера охраны этой основной работы. Такое представление оказалось очень недолговечным. Вообще, вся последующая история революционного народнического движения - эта серия подобных, продиктованных утопическими взглядами и субъективными устремлениями компромиссов, которые неизбежно заканчивались победой все более радикального направления. 1878 год положил начало кризису землевольческой организации.

Попытка совместить тайную социалистическую пропаганду и революционную агитацию с открытой политической и террористической борьбой на практике означала формально еще не утвердившийся раскол в народническом движении. «Деревенщики» откращивались от политической борьбы, а те, которые действовали в городе, все более ограничивались ею.

Объявленная в столице и фактически уже начавшаяся на юге война против правительства принесла свои первые кровавые плоды. 25 мая в Киеве видный и популярный бунтарь Г.А.Попко убил жандармского следователя барона Гейкинга, инициатора высылки студентов Киевского университета. 3 августа газеты поместили сообщение, что в Одессе повешены Иван Ковалевский и его товарищи, оказавшие 30 января вооруженное сопротивление при аресте. Солдаты с музыкой промаршировали по их могилам. 4 августа С.Кравчинский осуществил давно подготовленное, но откладывавшееся убийство шефа жандармов Мезенцева. Все участники казни скрылись. «Смерть за смерть!» - этот подзаголовок подпольной брошюры, выпущенной по поводу террористического акта стал своего рода девизом дальнейшей борьбы. 1878 год возвел в принцип освобождение революционерами узников из мест заключения. Общественный резонанс вызвал организованный М.Фроленко побег 27 мая из киевской тюрьмы инициаторов нашумевшего «Чигиринского заговора» И.Боха-

новского, Л.Дейча, Я.Стефановича. 1 июля С.Баранников, А.Квятковский, Медведев, Адр.Михайлов и М.Фроленко совершили, правда неудачную, вооруженную попытку отбить у жандармов конвоируемого на катогру участника процесса «193-х» П.Войнаральского.

Взаимное ожесточение противоборствующих сил быстро росло. Репрессии правительства вырывали из революционных рядов новых и новых деятелей, у революционеров же рождалось желание возмещать недостаток людей «быстрой их обращения». Активность российских радикалов в какой-то мере поощрялась и европейскими социалистическими авторитетами. В марте 1879 г. Ф.Энгельс писал, что в стране «назревают события решающего значения. Борьба между правительством и тайными обществами приняла... настолько острый характер, что это долго продолжаться не может. Движение, кажется, вот-вот вспыхнет. Агенты правительства творят... невероятные жестокости. Против этих кровожадных зверей нужно защищаться как только можно, с помощью пороха и пуль. Политическое убийство в России единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима»[90].

Элементы народовольчества, достаточно четко проявившиеся уже весной 1878 года, значительно усиливались. И ничье личное влияние не могло остановить консолидацию и победу внутри революционного движения политического, террористического, заговорщического направления. Это относилось и к самой Вере Засулич, принципиально до конца жизни отвергавшей взгляд на террор как целесообразное средство борьбы*. Слуги же самодержавия, жившие зачастую вчерашним днем, искали объяснения развивающегося процесса исключительно в субъективных факторах. Шеф жандармов А.Р.Дрентельн, ссылаясь на данные, полученные от бернского агента, 10 мая 1879 года доносил Александру II: «...как переписка, так и выходящие в Швейцарии русские журналы, доказывают значительное, - и, конечно, вредное, - влияние Веры Засулич»[91].

Апогей противоборства был еще впереди. Новые события привлекали внимание и вызывали разноречивую реакцию российского общества. Но «Верочкина неделя» (по желчному определению консервативного «Гражданина») 1878 года навсегда запечатлелась в анналах отечественной истории.

*Как известно, при расколе «Земли и воли» В.Засулич примкнула не к «Народной воле», а к отрицавшему политическую борьбу «Черному переделу».

Сноски к главе 3

1. См.: ЦГИА. - Ф.1405. - Оп.534. - Д.1141. - Л.13.
2. Цит.по: Кони А.Ф. Собр.соч. в 8-ми тт. Т.2. - М.,1966. - С.96.
3. Там же. - С.132.
4. Там же. - С.134.
5. Дневник Е.А.Перетца. 1880-1883. - М.-Л.,1927. - С.49.
6. Кони А.Ф. Собр.соч. в 8-ми тт. Т.2. - М.,1966. - С.168.
7. Смолярчук В.И. А.Ф.Кони и его окружение. - М.,1990. - С.75.
8. См.: Кони А.Ф. Собр.соч. в 8-ми тт. Т.2. - М.,1966. - С.169-170.
9. Там же. - С.171-172.
10. См.: ГА РФ. -Ф.109. - 3 отд., 3 эксп. - 1878 г. - Д.68. - Ч.1. -Лл. 104-104-об., 98-99-об.
11. Книжник-Ветров И. Е.Г.Баргенева - социалистка и писательница // Каторга и ссылка. - 1928, N 11 (60). - С.49.
12. ЦГИА. - Ф.1405. - Оп.534. - Д.1144. - Л.2.
13. ГА РФ. - Ф.109. - Оп.1. - Ед. хр. 718. - Л.37.
14. Градовский Г.К. Итоги. - Киев, 1908. - С.8-9.
15. См.: Русский мир. - СПб., 1878, N 87.
16. См.: ЦГИА. - Ф.1405. - Оп.76. - Д.7286. - Л.106.
17. Письма Победоносцева к Александру III. Т.1. - М.,1925. - С.116.
18. ГА РФ. - Ф.109. - 3 отд., 3 эксп. - 1878 г. - Д.68. - Ч.1. -Л. 75.
19. Русский мир. - 1878, N 87.
20. Московские ведомости. - М., 1878, N 84.
21. См: ГА РФ. - Ф.109. - 3 отд., 3 эксп. - 1878 г. - Д.68. - Ч.1. -Л. 112.
22. Революционное народничество 70-х годов XIX века. - Сб.док. и матер. в двух томах. Т.2. - М.-Л.,1965. - С.59.
23. Русский мир. - 1878, N 89.
24. Драгоманов М. За что старика обидели и кто его обижает?! // Община. - Женева, 1878, N 3-4. - С.35.
25. Голос. - СПб.,1878, N 92.
26. Северный вестник. - СПб., 1878, N 90.
27. Северный вестник. - 1878, N 91. Письмо было опубликовано в изложении. Позже, со ссылкой на редакцию этой газеты его полный текст был напечатан «Телеграфом» (1878, N 77).
28. Кони А.Ф. Собр.соч. в 8-ми тт. Т.2. - М.,1966. - С.180.
29. Голос. - 1878, N 92.
30. Там же.
31. Северный вестник. - 1878, N 90.
32. Петербургская газета. - СПб., 1878, N 65.

33. Михайлов А.Ф. Автобиография. - Энциклопедический словарь бр.Гранат. Т.40. - Приложение. - С.269.
34. ГА РФ. - Ф.109. - З отд., З эксп. - 1878 г. - Д.68. - Ч.1. -Лл. 85, 114.
35. Дневник Д.А.Милютина. Т.3. - М.,1950. - С.41-42.
36. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т.2. - С.60.
37. Голос. - 1878, N 94.
38. Энциклопедический словарь бр.Гранат. Т.40. - Приложение. - С.269.
- Аналогичная информация исходит и от другого участника событий, В.Г.Короленко (См.: Короленко В.Г. Собр.соч. Т.6 - М.,1954. -С.214).
39. ГА РФ. - Ф.109. - З отд., З эксп. - 1878 г. - Д.68. - Ч.1. -Лл. 109-111, 115.
40. См.: Твардовская В.А. Идеолог самодержавия в период кризиса «верхов» на рубеже 1870-1880 годов. - Всб.: Исторические записки. Т.91. - М.,1973. - С.220-221.
41. Московские ведомости. - 1878, N 87.
42. Московские ведомости. - 1878, N 84.
43. Московские ведомости. - 1878, N 88.
44. Там же.
45. Московские ведомости. - 1878, N 89.
46. Московские ведомости. - 1878, N 90.
47. Московские ведомости. - 1878, N 88.
48. Московские ведомости. - 1878, N 89.
49. Московские ведомости. - 1878, N 95.
50. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т.2. - С.62.
51. Московские ведомости. - 1878, N 88.
52. См: Московские ведомости. - 1878, N 89.
53. Московские ведомости. - 1878, N 88.
54. Московские ведомости. - 1878, N 89.
55. Московские ведомости. - 1878, N 95.
56. См: Письма Победоносцева к Александру III. Т.1. - С.116-121.
57. Правительственный вестник. - 1878, N 77.
58. См.: ЦГИА. - Ф.776. - Оп.6. - Д.308. - Н 14.
59. Северный вестник. - 1878, N 90.
60. ГА РФ. - Ф.109. - З отд., З эксп. - 1878 г. - Д.68. - Ч.1. -Л. 149.
61. Московские ведомости. - 1878, N 89.
62. Вестник Европы. - 1878, N 5. - С.355-356.
63. Северный вестник. - 1878, N 90.
64. Голос. - 1878, N 92.
65. Плеханов Г.В. Соч. - Изд. 2-е. - Т.XXIV. - М.-Л.,1927. - С.135.
66. ГА РФ. - Ф.109. - З отд., З эксп. - 1878 г. - Д.68. - Ч.1. -Лл. 150-152.

67. Там же. - Лл. 134-д, 138.
68. См.: Емельянов Я. Воспоминания о брате А.С.Емельянове (Боголюбове) // Каторга и ссылка. - 1930, N 11. - С.180.
69. ГА РФ. - Ф.109. - З отд., З эксп. - 1878 г. - Д.68. - Ч.1. -Лл. 212-214.
70. ЦГИА. - Ф.1405. - Оп.534. - Д.1142. - Л.2.
71. См.: Кантор Р. К процессу В.И.Засулич // Былое. Пт.,1923.-N21.-С.92.
72. См.: Красный архив. - М.-Л.,1931, N.6 (49). - С.135.
73. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т.2. - С.53.
74. Там же. - С.56.
75. Община. - 1878, N 3-4. - С.18.
76. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т.2. - С.55.
77. Община. - 1878, N 3-4. - С.35.
78. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т.2. - С.55.
79. Там же. - С.56, 57.
80. Плеханов Г.В. Соч. - Изд. 2-е. Т.1. - М.-Пг.,1923. - С.161.
81. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т.2. - С.57.
82. Энциклопедический словарь бр.Гранат. Т.40. Приложение. - С.268.
83. Там же.
84. Цит. по: Таратута Е. С.М.Степняк-Кравчинский - революционер и писатель. - М., 1973. - С.162.
85. Община. - 1878, N 3-4. - С.1.
86. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т.2. - С.32-33.
87. Твардовская В.А. Социалистическая мысль в России на рубеже 1870-1880-х годов. - М.,1969. - С.21.
88. Красный архив. - 1926, N.6 (19). - С.196.
89. Земля и воля. - 1878, N 1.
90. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.19. - С.158.
91. Красный архив. - 1930, N 3(40). - С.137.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. НАКАНУНЕ	8
Глава II. ОТ ПОКУШЕНИЯ ДО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА	20
Глава III. СУД И ПОСЛЕ СУДА	31

КАРПИЛЕНКО Ю.С.

"ДЕЛО" ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ
Российское общество, самодержавие и суд присяжных в 1878 году

Редактор В.П.Лозинский

Набор на IBM/PC осуществлен студентом ФМФ Горшковым А.С.

**Подписано в печать 20.04.94. Формат 60x84 1/16. Бумага газетная. Печать
офсетная. Усл.п.л. 4.0. Тираж 500 экз. Заказ №1 Цена договорная.**

**Издательство Брянского государственного педагогического института
имени академика И.Г.Петровского. 241036, Брянск, Бежицкая, 14.**

Отпечатано в подразделении оперативной полиграфии БГПИ.

3. O FORTALEZA

PERVINGE LESTA D'ESTA

Proprietary of the author

A work of the author, containing original material

It is unauthorized to copy or reproduce, in whole or in part, or to store in
any form or by any means, electronic or otherwise,
without the prior written permission of the author.

Copyright © 2018, All rights reserved.
No part of this book may be reproduced in any form,
without the express written permission of the author.

1940 6'2

94-4
1075

2